

Рафаэль Рахимов

"Крым. И я там
был"

Не ходите, девки, в армию...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Рафаэль Ильшатович Рахимов

Крым. И я там был

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735665

SelfPub; 2018

Аннотация

Повествование происходит от лица главного героя. Получив диплом о высшем образовании, он принимает добровольное решение отдать долг Родине. В ходе знакомства с армейской системой в рядах современных ВС РФ, герой сталкивается с абстракцией, в последствие которой протекает болезненная переоценка духовных ценностей. ВС РФ больше не представляется как некое подобие «культового долга», о котором он слышал от служивших товарищей. Присматриваясь к системе ВС, полностью абстрагируясь от внешних второстепенных факторов, как к отдельному военному блоку, он замечает абсолютную примитивную схожесть с гражданской жизнью.

Содержит нецензурную брань.

«Если вы хотите рассмешить Бога, расскажите ему о своих планах». —

Вуди Аллен ©

Прелюдия

Целью настоящей книги, если данные слова, сложенные в логические словосочетания, можно назвать таковой, представляет собой не прививание негатива и отвращения к Вооруженным Силам РФ (далее – ВС РФ). Напротив – её целью является раскрытие достаточно полного и масштабного представления о ВС РФ и в целом военно-политического блока как такового. Данная рукопись нацелена на весьма обширную аудиторию, развивающая свой житейский кругозор и не допускающую стагнации своей светской личности.

Будет так же полезна будущим призывникам, их законным представителям, подругам, друзьям, товарищам, а также лицам военнообязанным, отдавшим свой патриотичный долг нашей необъятной Родине. Стоит ли упоминать о реальном положении дел, описывающихся в данном словоблудии? В любом случае – решать, прежде всего, читателям. В свою очередь, хотелось бы отметить всю полноту реализма, излагаемого в рамках настоящей книги. По мере прочтения, конечно же, будет попадаться, что вполне логично, различного рода информационный шлак. Истории, байки, шутки, прозвища, нецензурная лексика, армейские анекдоты, афоризмы и цитаты.

Необходимо упомянуть, что не обошлось без «философских» изречений, соразмерно вытекавших в страстных порывах написания сея повествования. Все мы знаем о таких «философских» размышлениях. После них, в особенности на утро, становится дико неловко перед твоей компанией внештатных собутыльников, разделявшие с тобой всю ночь напролёт, трансцендентальность Канта, похотливые оговорки по Фрейдю, идеалистические догмы немецкой классической философии Гегеля и вообще тщетность бытия. Посему рано или поздно заканчивается «топливо», утром в окно стучится групповое похмелье и все глубинно-осмысленные открытия человечества снова ускользают куда-то в небытие.

Штука вот в чем. Просторы глобальной сети Интернет полны достаточно неправдоподобных, инфантильных, быть может, выдуманных, на удивление скучных и однообразных рассказов, недокниг, историй, баек именно на армейскую тематику. Да, именно на армейскую. Не стоит касаться тем исторических, патриотичных тем. Их затрагивать не нужно. Пробегаясь по очередным форумам-блогам-сайтам по данному вопросу, сталкиваешься в основном с традиционной памяткой будущего солдата срочной службы «скоро призыв что делать» или «как выжить в армии». Самое интересное в том, что его, интереса, попросту нет. Понимаю, на вкус и цвет – фломастеров нет.

Представленную рукопись, меня надоумил изложить один из моих хороших товарищей, с которым мы общаемся ещё

со времён нашей учебы в университете. И эта идея вполне плотно укоренилась в моем сером веществе, в момент несения очередного боевого караула, во время нашего первого учебно-боевого полевого выхода на одном из тактико-стратегических полигонов.

Прогуливаясь по аллеям памяти о воинской службе, честно признаться, хочется порой заорать или взвыть и, конечно же, местами посмеяться в голос. Такая она была. И слава одному Господу Богу – закончилась успешно. Не чувствую никакой необходимости доносить до социума банально затертую очередную совковую историю «о том, как я служил не тужил». Движет далеко не идея-фикс. Острота заключается в изложении и описании в самых, что ни на есть, различных оттенках, красках, со всей подноготной, эмоциями и действительно абсолютно трезвом представлении о воинской службе. Сравнить армейскую службу со сроком в пять, два и полтора, категорически нет смысла, о чем и призываю остальных. Нижеизложенные литературные акты, ни в коем случае не является истинной в последней инстанции, а представлено из разряда «взгляд со стороны», который, как и все прочие, подвергается сомнению и критике. Конструктивной, желательно.

Признаться, в жизненных планах не было графы «послужить Родине» или «сходить в армию», но все эти обстоятельства в моей жизни имели место быть. В 2016 году, когда меня призвали на флот, служба составляла ровно год. Помню, как

стоя в кабинете военкома, в голове скользнула мысль «год – не два, можно и сходить, не убудет с меня». И действительно не убыло. Наоборот «прибавилось». Но это не точно. Ни разу не пожалел о намерении служить Родине, хоть и всякое случалось. И смех, и горечь. Есть одно выражение, которое я запомнил и помню до сих пор: «Кто в армии был – тот в цирке не смеется». И это, кстати, тоже, правда.

Имена, прозвища, фамилии, воинские звания, титулы, номенклатура казенного имущества, наименование боевой техники, места дислокаций, координаты и аббревиатуры военно-стратегических объектов, заменены или искажены, ввиду конституционных и конфиденциальных соображений.

Chapter One.

Произошло это 1 апреля 2016 (какая ирония), когда в очередной раз, прибыв в военный комиссариат Комсомольского района моего города, ожидал продвижения очереди к отоларинголо-венероло-дерматоло-хирургу – кабинетам. Говоря откровенно, никакого желания находиться, снова здесь нисколько не было. Наблюдая, как туда-обратно носят полуголые манекены с папками и документами своих личных дел, сотрясая воздух в помещении, наводя панику и нездоровую атмосферу, потянуло в сон. Вышел перекурить. Во дворике военкомата находилась местная курилка, сконструированная из откуда-то позаимствованных железных балок и прочих металлических конструкций, с разваленными,

полуживыми лавочками внутри.

Запах сигаретного дыма повис в воздухе. Прислушиваясь к звуку только-только проснувшегося города, ухожу в свои «внутренние просторы сознания». Солнце прогревает левую сторону моей щеки, периодически встряхивая пепел, вспоминаю о недописанном дипломе, ГОСах, последнем звонке, о взрослой, осмысленной жизни. Вперемешку посещают воспоминания о временах моей учебы на первом-втором курсах универа. Посвящения в «перваки», первой сессии, большого количества алкоголя, пьянящих голых девчонок, лютого утреннего похмелья, прогулянных пар и визге комендантши в общежитии, заходя к нам комнату, после бурного застолья. Физиономия расплывается в приятной улыбке, о былых воспоминаниях, и в то же время пустота наполняет оставшееся пространство внутри.

Мысли прерывает рингтон айфона. Мама. Отвечаю на звонок и возвращаюсь в обитель военнообязанных по определению. Число манекенов значительно убавилось. Проходя, мимо этих застывших в оцепенении будущих защитников Родины, слышу свою фамилию.

– Рахимов? – спрашивает тетя в белом халате.

– Рахимов – отвечаю я.

– В кабинет венеролога.

– Жалобы имеются? – спрашивает тетя.

– Отсутствуют – монотонно отвечаю. Все в порядке.

– Имеется желание послужить Родине, а, Рахимов? – де-

лая какие-то записи в моей набитой бумаго-справками карточке.

Честно, такого спонтанного вопроса не ожидал. Немного поймав забор, быстро вышел из ступора.

– Если Родина позовет, – улыбаюсь я.

– Позовет, позовет, не переживай даже. – Категория здоровья А-1 у тебя. Такие новобранцы в ходу. Жду через две недели, с готовыми анализами.

15 июня. Диплом, ГОСы, аттестационная комиссия, уже два часа как остались позади. Отмечали со своими коллегами – новоиспечёнными бакалаврами окончание студенческих фобий, вспоминая и восхваляя моменты наших триумфов, в борьбе за привилегию именоваться «бакалавром юриспруденции». Военкомат так же стремительно вылетел из моей памяти, забыв о всяких по анализам. Об этом и не только, я жалел какое-то время. Но это продолжалось не долго. Ибо то, к чему я пришел на выходе сложившихся обстоятельств, даже порадовало в какой-то степени, постепенно перетекавшая в добротный сухой остаток.

Одним из камней преткновения, на моем скоротечном пути к получению диплома, стал, конечно же, легендарный обитель военнопленных призывников. По запущенной в нашей системе машины, под названием «бюрократия», для получения любого блага и достижения, намеченных тобою целей (в т.ч. получения заветного диплома), необходимо было предоставить лист-бегунок, пройденный по всем необходи-

мым инстанциям, который ВУЗ любезно предоставлял выпускникам. Его необходимо пройти, начиная от абонементов книжных библиотек с вечно недовольными, сварливыми бабулями, заканчивая всеми горячо любимой комендантшей. Как ни странно, лист-бегунок сам по себе не нес определенной значимости, хотя и являлся документом, подкреплявшийся определенной юридической силой, подтверждавший твою полноправную и законную позицию в том, что Добби свободен и можешь отчаливать с песнями и фанфарами.

Утро. Курс на военкомат. Амбиции полные штаны. КПП. На входе встречает сержант. Изъяснившись по существу, прохожу вглубь кабинета № 6.

– Как еще раз фамилия, молодой человек? – интересуется девушка-стажер.

– Рахимов – повторяю я.

Девушка начинала ворошить следующую кипу бумаг, а я принялся оттачивать свои навыки дедукции, наблюдая происходящие рабочие процессы. По размерам кабинет небольшой, пару столов, стулья, компьютеры на базе Win95/98. Рабочая неделя в разгаре, на календаре среда, целый табун призывников. Кабинет чем-то мне напоминал помещение паспортного стола, когда я впервые пришел за своим первым официальным документом. При входе располагалась продолговатая, не совсем широкая, столешница, что-то наподобие барной стойки, за которой стояла вся остальная мебель и оборудование. Оглядываясь в очередной раз, ловя мимолет-

ные взгляды окружающих, ощутил до боли знакомую обстановку, которая настолько врезалась мне в память, что хуже и быть не могло. Это всё-таки был военкомат.

– Молодой человек, вы по какому вопросу? – спросил незнакомый голос.

– Моим вопросом уже занимаются, спасибо, – любезно отвечаю я.

В этот самый момент передо мной на стол падает крепкая папка с документами, где в правом верхнем углу изображено моё неудачное фото школьных времен (кажется, 10 класс) и прочие непонятные заметки, подписи, отметки. На папке выгравирована моя фамилия и инициалы, которые уже чуть стали затертые, но до сих пор читаемые. Категория здоровья – А-1.

– Молодой человек – начала женщина значительно старше. – Как вы уже, наверное, поняли, мы не имеем права подписывать и ставить печать в том документе, который вы принесли нам. Но мы сделаем все необходимое, как только будет пройдена ваша не оконченная, еще с апреля месяца, медицинская комиссия. До тех пор, пока вы не пройдете её, мы, к сожалению, ничем не можем вам помочь. К тому же отсрочка вашей учебы заканчивается в конце июня. Вы – военнообязанный гражданин. Вы это понимаете?

Осознавая, что начинаю сдавать позиции, в начинавшейся дискуссии, чуть пересохло в горле. Обводя глазами, находящихся рядом людей, пытаюсь сообразить хоть какое-ни-

будь адекватное аргументированное предложение. Тщетно бытие, товарищи. Надо признать, что этот раунд остался за военкоматом. Выслушав до конца, собираюсь внутри себя и выхожу в коридор. Как сказал один известный преступник США 30-х гг. Джон Диллинджер: «Парни не плачут, они выходят на лестницу покурить». Поднявшись этажом выше, застал начальника военкомата. Внимательно вкратце выслушав мою ситуацию, пригласил в кабинет, деликатно указав на часы, показывавшие обеденное время. Договорились обсудить все после перерыва, и я пулей выскочил на маршрутку. В голове все перемешалось. Необходимо было срочно придумывать и выстраивать логические и не менее аргументированные доводы по «продлению» моей отсрочки от нависшей службы.

На тот момент я думал, что они у меня имеются и, причем неплохие. «Если ты думаешь, что ты самый умный в комнате, то ты не в той комнате» – по всей иронии всплыла фраза из какого-то известного вестерна Клинта Иствуда, в тот самый момент, когда все мои рафинированные аргументы в ключья и с удовольствием гордо разбивал военком.

– Послушай, сынок, у тебя очень даже неплохие данные для службы. Я серьезно, ты только подумай! – закрывая дверь кабинета, почти «уговаривал» меня военком. – Начиная от характеристики психиатра, заканчивая категорией здоровья. Служба не пять и даже не два года. Летом ушел, там до осени не далеко. Зима почти близко, а там весна, пару

месяцев и дембель за окном. Всего ничего. Плюс военный билет тебе еще пригодиться, при дальнейшем трудоустройстве. Ещё вспомнишь. Категория здоровья у тебя такая, что хоть на Луну тебя отправить можем. Куда хочешь? Воздушно-Десантные Войска РФ (далее – ВДВ)? А может, на корабль хочешь? На флот? Северный, Тихоокеанский, Каспийская флотилия, Черноморский? Выбор у нас очень большой. Подумай.

– К тому же – рьяно продолжал военком, – отсрочка заканчивается, кажется...

– Тридцатого июня, – отвечаю на автомате, и смотрю на широкий проспект за окном.

– Так точно, – гордо улыбнулся товарищ подполковник. Решайся малый, времени у тебя немного.

И в тот самый момент, в то самое мгновение, в моей черепной коробке проскользила мысль. Даже нет – мысли. Мысли плотно начали облеплять мое молодое, неокрепшее до конца серое вещество. Голова ватная. Мыслей целый вагон. Спустя десять минут, после моего утвердительного вердикта, направлялся домой.

3 июля. Все приготовления к проводам были почти готовы. Побрился под «тройку», прикупил пару ящичков хорошей водки и все, что к ней прилагается, сообщил товарищам. Организовали место встречи. Реакция матери и моих братьев была вполне адекватная, когда я сообщил им о своем решении. Родственники так же поддержали меня в этом

вопросе. Учитывая тот факт, что никто, ни из моей семьи, ни со стороны родственников не проходили службу. Интересно было отслеживать реакцию моих товарищей, потому что мнения условно разделились на два лагеря. Служившие и не служившие, соответственно. При любых попытках отговорить/переубедить меня в том, что я задумал в конечном итоге, конечно же, не имело никакого смысла. Служившие и бывавшие там товарищи, соответственно одобряли мое намерение. Думаю, что упоминать о мнении не служивших – не уместно.

В повестке значилась дата «пятое июля» к месту несения службы. Контрольное прибытие в пять утра. Отправка, по словам и многообещающим аргументам военкома, подразумевалась в Черноморский флот, Республика Крым. Так же были шансы попасть в ВДВ, но там не успевал с анализами. Отправка в ВДВ назначена с первого по третье июля. Как только военкомат заикнулся о флоте, у меня тут же поехал шифер. В основном большинство моих товарищей служили либо в сухопутных войсках, либо на флоте. По рассказам о флоте и рассеканию по морю на военных БДК, о боевых учениях длиной в три месяца в открытом море, о различных учебных сборах, проходивших в Греции, Испании, Италии, Португалии. Я сразу загорелся флотом. Визуализировал о службе на боевой коробке, о хождениях в море, о боевом экипаже корабля, морские звания, тельняшка, чёрный берет, товарищах по оружию. По мере моего знаком-

ства с флотом и всеми его традициями, так же узнал, об отдельном роде береговых войск ВМФ РФ. О здоровых и грозных дядьках в тельняшках и черных беретах. Во времена Великой Отечественной Войны фашисты обдeldывались в штапишки и называли их «Черной Смертью». Исходя из исторических фактов, так прозвали, потому что в атаку шли в черных беретах, тельняшках или бескозырках и в плен не брали. Её Величество Морская Пехота Российской Федерации (далее – МП РФ). Лютые дяди, в общем.

В идеале, морпехи, наравне с десантурой, составляют основную элиту отдельных видов войск ВС РФ. Первые предназначены для ведения боевых действий в составе морского десанта, вторые являются резервом Верховного Главного командования и предназначены непосредственно для охвата противника по воздуху. На вопрос у любого нормального, адекватного парня, о роде войск, где бы он хотел служить, он, конечно, укажет на доминантную элиту. Почему?

Вопрос, конечно, риторический. И все же, здесь необходимо внести кое-какие ясности. Их всего две. По истечению долгожданного срока воинского долга, придя в дом родителей, бить себя в грудь, при этом очень брутально рвать на себе тельняшку, очень агрессивно жрать водку и рассказывать товарищам и подругам о тяготах и лишениях, громко материться, отчетливо вычеканивая армейские «есть», «так точно», «никак нет». В теории и практике – это прерогатива и отличительная особенность тех, кто всю службу втухал

в нарядах, драил очки, собирал поджопники и ловил лещей от всех. Начиная от товарищей по оружию, заканчивая непосредственно командиром роты и старшиной. Данная черта – чмошников с потными ладошками, которых всю службу тыкали носом в какашки. Это раз.

Из числа тех парней, служивших непосредственно в эпицентре армейского коллапса, находясь в этой самой элите, лишь единицы возвращаются нормальными и вполне адекватными мужиками. Ребята, вытерпевшие, согласно военной присяге, все тяготы и лишения воинской службы, со всеми причитавшимися армейскими подарками судьбы. Им нечего кому-то что-то доказывать. Обычно, они не распространяются о прошедшей службе. Не кричат из-за каждого угла: «Никто кроме нас» и не бьют об свои головы бутылки, ныряя при этом в фонтан, где давно нет воды. Если поинтересоваться у них о службе, и как обстоят дела за пределами гражданской жизни, многого не услышишь. Воинский долг они отдавали без фанатизма. Служили, но не прислуживали. За таких парней берет гордость, правда. Это два.

Пятое июля. Проводы прошли без конфузов и прочих форс-мажоров. Помимо семьи, из присутствующих был очень узкий круг товарищей, порядка пятнадцати человек. Все было организовано без конфузов и прочих форс-мажоров.

Перед военкоматом, был еще один чек-поинт – дом. Заехав напоследок посмотреть на семейное убежище, приняв

душ, пытаюсь протрезветь, выпив кофе, собрав вещи, двинули дальше. Ехать недалеко, торопиться некуда. Летний призыв в 2016 году был достаточно небольшой. Тем не менее, военкомат облепило достаточное количество призывников и провожающих. До конца не протрезвев, начинаю прощаться.

Отчетливо помню тот день. Утро. Военкомат. Я стоял в окружении своей семьи, друзей и товарищей. Обнимался со всеми, параллельно чувствуя, как из меня выходят пары водки. Помню объятия матери. После она взглянула на меня и произнесла: «Рафаэль, я хочу, чтобы ты уяснил одну вещь: страха нет, его не существует. Так же я хочу, чтобы ты рос сильным и уверенным в себе мужчиной. Для этого я сделала все, что нужно. Страх нет, Рафаэль, его не существует. Никого и ничего не бойся». Я отчетливо помню тот день. Я запомнил его на всю жизнь.

Проходя основной турникет военкомата, наблюдаю, кривое подобие первой шеренги, в которой толпятся будущие защитники Отечества. Специфический аромат горячительных напитков, вкупе с задорным перегаром и стоячей вонью носками. Поневоле вкусив колоритный фан, пытаюсь устроиться между бритоголовыми манекенами. Внутренне состояние неудовлетворительное. Из носа чую резкий запах выходящих паров водки. Из рта пахнет бомжами. Немного дрожат колени. Понемногу осматриваюсь вокруг, в надежде обнаружить знакомые лица, вслушиваясь в крики и песни, доносившиеся из-за пределов обителя военнопленных. Из ко-

ридора слышны чеканные, спешные, мужские шаги. Подпол.

– Товарищи призывники! – зычно и громко начинает он. – Раньше начнем, раньше закончим. Ко мне лицом в одну шеренгу становись – командует он. Естественно, собравшаяся публика ни разу не обращает на него никакого внимания, демонстративно забивая огромный болт. В это же мгновение на нас срывается сержант, стоявший неподалеку в углу с самого начала.

– Чё, оглохли что ли, а? Я чего-то не пойму, обезьяны? – орет сержант. – Команда была «в одну шеренгу становись»! Построились! Живо!

Парни начинают глумиться, издавая различные идиотские звуки, пародируя молодого капрала. Шеренга построена. Далее начинается осмотр внешнего вида и внутреннего содержимого сумок. Вся провизия, включая алкоголь и колюще-режущие предметы, стремительно летят в отдельно приготовленный угол. Продолжительные возмущения, гул и ор наполняется в помещении, которые тут же пресекает сержант. Построенная шеренга потихоньку начинает превращаться в классическое подобие толпы.

– Шеренгу сообразили! Быстро! – рявкает тот.

Проводя дальнейший осмотр партизанских сумок, очередь доходит до меня. Из вещей я взял исключительно необходимые предметы личной гигиены, упаковав все в мужицкую «косметичку». Товарищ сержант, не спеша и очень скрупулезно начинает ворошить мой гражданский несессер, по

очереди вынимая из него все содержимое.

– Чё это такое? – показывает ножницы для ногтей.

Думая, что вопрос риторический, продолжаю дальше всматриваться в дверной косяк входной двери, слушая орущие песни за дверью.

– Эй, ты чего, малый, глухонемой, а?

– Это ножницы. Для ногтей. Что бы ногти стричь, – отвечаю его пафосной гримасе.

– Туда, куда ты отравишься, они тебе не понадобятся. Родина обеспечит тебя, будь уверен, сынок.

Ножницы летят в угол общей барахолки. Контрацептив в погонах продолжает обход. Контрольный сбор происходит на заднем дворе военкомата, где нас ждет автобус на отправку. Солнце бьет жестоко в красные, похмельные глаза, отчето становится хуже. Менделеев пришел к величайшему открытию в области науки, и ужасному открытию для взрослых людей, со всеми вытекающими. Далее звучит торжественно-прощальная речь подполковника, мол «служба сейчас всего ничего, братцы». Главное перезимовать, а там весна и до увольнения совсем немного. Далее загрузка в нашу гражданскую колесницу, согласно купленным билетам.

Парни вяло распределяются по автобусу. Кто-то начинает заикаться про кондиционер и прочие удобства, и его тут же встречают сугубо мужицкими наставлениями и сочувствиями. Начиная выезжать из ворот КПП, нас провожают в путь орами, ненормативной лексикой и криками. Кто-то да-

же успеваает пнуть автобус, толи прыгнуть на него. Звук был, будто кого-то переехали. Видимо, кому-то тоже не повезло этим утром. Выехав на широкий проспект, всматриваюсь в очертания сонного города. Стараюсь запомнить его как можно отчетливее, не пропуская ни одной детали. Внутренне абсолютно спокоен. Мандраж прошел еще после пятой стопки на проводах. На глазах пелена. Не давая себе уснуть, отодвигаю шторку, и словно впервые, жадно изучаю городскую инфраструктуру. Пассажиры сзади, сильно торопясь, начинают вызывать ихтиандров, видимо, в заранее приготовленные пакеты. На пути к выезду из города, нападает лютая хандра, вкупе с состоянием предшествующей детско-инфантильной неизвестности. Даю глазам передохнуть пару минут, погружаясь в глубокий похмельный сон.

Просыпаюсь от гула проезжающих машин. Жуткая духота наполняет нашу повозку. В открытую дверь поддувает сухой ветер. От пота шея прилипла к груди. Во рту пустыня. Попытался раскрыть глаза. Смог открыть только левый. Прирастаю, осматриваюсь. Картина маслом. Сзади все так же сидят ихтиандры с наполненными пакетиками. Выползаю на свежий воздух перекурить. Нащупываю в кармане джинсовых шорт чёрный Cricket. Пару затяжек и мокрота равномерным потоком выходит наружу. Неподалеку от автобуса стоят такие же манекены «под тройку», судорожно прикуривая палочки смерти. Часы показывают семь утра. Мы на полпути в татарскую столицу. От сигареты начинает кома-

тозить еще сильнее. Подходят уже знакомые скинхеды, пытаются завязать какой-то диалог. Слушать их мне не улыбается. Докуриваю, заползаю обратно. Отыскиваю в сумке бутылку воды. Несмотря, что она давно тёплая, как моча гадрозавра, судорожно, как в последний раз, делаю жадные, большие глотки. Похмельный коматоз она сильно не поправляет, но хоть какое-то утешение. Водитель дает команду «алга, егетлэр» и двигаем в пункт назначения. Всю оставшуюся дорогу до контрольного призывного пункта пребываю в похмельной вакханалии.

«...на 104.5 FM мы приветствуем вас и принимаем заявки, находясь здесь, в городе Казань...» – звучит из магнитолы Mercedes-Benz Sprinter. Разлепляю глаза. Шесть полос. Светофор. Пробка. Мигает дополнительная секция. Казань.

Chapter Two.

Прибыв на контрольную точку, объявлен общий сбор рядом с КПП призывного пункта. Парни более-менее проспались, оклемались. После перекура на месте, выдвигаемся внутрь основного здания. КПП представлял собой отдельную пристройку. Железный турникет на входе, пара комнат с военными. По очереди минуем турникет. Далее по коридору нас встречает небольшого роста мужичок по зелёнке. Пиксельная кепи с блестящей кокардой в виде звезды, аккуратно постриженные усы, черные, начищенные военные берцы. На погонах горизонтально расположены две маленькие

звезды. Прапорщик (далее – прапор). Голос у прапорщика был неприятно громкий и до рвоты противный. Прапорщики/мичманы были первыми, из категории военных лиц, с кем я познакомился впервые, будучи в статусе военного.

Данная категория военных по-настоящему заслуживает отдельного внимания. Девяносто процентов из них служили срочную службу. Оставшаяся «десятка» представители выпускников военных училищ. В ВС РФ таких прозвали «пиджаками». Именно эти «девяносто» оттоптавших срочную службу, редкая разновидность очень грамотных, латентных разгильдяев от всего идиотского, что есть вообще в ВС РФ. Прапора, как правило, всегда знают, где достать ценные ресурсы и прочие полезные артефакты. Настоящие короли квестов. Всегда чувствуют, что и где можно как-нибудь по-тихому скоммуниздить таким образом, что на него даже никто и подумает. Да еще и переиграть так, чтобы подставить кого-то другого под эту подачу.

Они знают, кто у кого и сколько получает казённой краски, для тревожных чемоданчиков, перед министерскими внеплановыми проверками. Эти люди знают, как до судорожной истерии довести бойцов срочной службы обычной строевой подготовкой на плацу после обеда или в субботний ПХД задрочить уборкой «взлётки», при сдаче суточного наряда. За такими нужно неумолимо бегать с блокнотом, записывая все их иронично-саркастичные остроты и выражения. По иерархии в ВС РФ установлены воинские звания: прапор-

щик и старший прапорщик. Принципиальной разницы между градацией этих воинских званий не наблюдаю. ИМХО, конечно.

– Товарищи! будущие военные! – верещит прапор. – Делаем все быстро, и никто не пострадает. Лишние движения и вопросы отставить. Сумки к осмотру! Живо! Быстрее! Быстрее!

Счет был на секунды, соображать нужно было быстро. Я начинал трезветь. К тому времени, наш отряд иждивенцев, уже находился в маленькой комнате с большим широким столом, занимавший всю площадь помещения. Во главе стола стоял прапор, выдававший: «Осмотрено! Следующий! Следующий!». Крысиная возня, лязги замков. И еще этот визжащий усатый хоббит делал всю картину. У одного из парней, видимо, заел замок. Этот энергетический гном спустил на него весь свой неугомный потенциал.

– Быстрее! Быстрее, я сказал! Салага? Ещё быстрее!

– Замок... у меня замок... зае... – запинался парень.

– Что? У тебя замок? А у меня член на ключ похож! Может помочь тебе открыть, а? – говорит усатый.

В тот момент сразу взял на карандаш чуткую и саркастичную натуру прапоров. Отметил, что такие ценные экземпляры достаточно стойкие и живучие, как голуби и тараканы. Могут запросто пережить Холокост и ядерную войну. Нигде не пропадут. При необходимости и лютот желании отнесут увесистых люлей, конечно же, оставив тебя крайним

во всех смертных грехах человечества. Прапора, как правило, гибкие, извилистые, местами гадкие. Но при всем наборе перечисленных параметров – достаточно справедливые. При установлении вполне нормальной и адекватной взаимосвязи с ними, служба пройдет хорошо. Если надо – прикроют где-нибудь, отпустят, разрешат, поощрят и т.д. Главное – не перегибать палку и четко видеть границы. Не кусать руку с едой, в общем.

Далее по плану прохождение очередного ВВК, километровых очередей, в которых, как правило, идут мужицкие словесные перепалки, (на словах ты Лев Толстой, а на деле... сами понимаете) помещений, наполненных рвотно-фекальными запашками, наплевательских осмотров мужских гениталий и прочих обрядов военно-бюрократического мудизма. После финальных процедур, назначено общее построение (а таких, как я уже узнаю очень скоро, будет просто беспросветная тьма) на втором этаже, в расположении для отдыха личного состава. Построения, как в прочем, и любое другое в ВС в целом, проходят очень муторно. Но об этом чуть погодя позже. На построении нам озвучивают номера наших команд, коих обозначили нам по итогам второй комиссии. Заслушиваем очередную прощальную речь уже нашего «старшего» товарища, который, походу, тоже с похмелья, прибывший с нами, для соблюдения всех вышеперечисленных процедур. Для формальности и порядку. Поздравляет и желает нам всем скорейшего возвращения домой целыми и адекват-

ными мужиками, нехило пропитанными тестостероном.

Спустя какое-то время, закончив все возможные перекуры и кофе-брейки, мимолетные знакомства с другими персонажами, под тесным козырьком местной курилки, успеваю позвонить домой с докладом о хорошем расположении духа и полного здоровья. Дома все хорошо. Уже ждут и скучают. Так пролетает еще пару часов похмельного празднования по холлу. После чего начинается та самая гребанная жесь, о которой я начал задумываться, еще со времени получения повестки и прохождении медкомиссии. Распределение по командам. Логика простая: очередное построение -> озвучка номера команды -> род войск. Действительно просто. В голове мечется номер команды. А-39, вроде. Почему-то вспоминаю слова военкома, об отправке на флот. О его твердом и уверенном голосе и доводах. Похмельный мозг в хаотичном и быстром порядке генерирует еще парочку каких-то имбецильных мыслей. Легкий мандраж. И в этот самый момент, в эту самую долю секунды, я, приглушенно-мутным разумом слышу, о моем зачислении в ЖДВ Свердловской области РФ (далее – Железнодорожные Войска). Позвонив домой, и окончательно протрезвев, уже подумывал о том, чтобы забрать документы и остаться на осень. Настроение на ноль. Дикая апатия. Падаю на какую-то ближайшую скамейку и выпадаю из реальности.

В коротком промежутке сна на «отходняках» мне снится

разное. Окончание универа, когда мы стоим всей группой для общего фото, после финального концерта, плавно пере-текающее в сцену, где наш декан пожимает мне руку, передавая мне диплом бакалавра, блаженно и миролюбиво так го-ворит «поздравляю». Затем братания с моими товарищами, на общем застолье, почти за сутки до моей отправки, про-щание с матерью, где я, не протрезвев, слушающий её голос и слова напутствия перед заходом в военкомат, мои родные братья, которые крепко обнимают меня и что-то говорят. Некое подобие микроснов, которые обычно снятся при ум-ственном переутомлении, депривации сна или в общем при-падке депрессии у людей, вроде меня. В психологии, мик-росон трактуется как «кратковременный сон». Промежуток микроснов варьируется от нескольких секунд до нескольких минут.

– Рахимов! В зале есть такой? Рахимов? – гулом доносит-ся по всему залу.

Очнувшись, вижу перед собой небольшие отряды все тех же призывников, но уже по форме. И все они похожи на тех орков, из к/ф «Властелин колец», бредущие в поисках двух хоббитов. Но по существу-то, все как раз-таки наобо-рот. Эти хоббиты по форме, отправляются в рабское цар-ство бесплатной рабочей силы к этим самым оркам сроком на двенадцать месяцев дней. Вскакиваю со скамейки. Иду на голос из микрофона. Пробиваюсь через толпу. Микрофон резко стих. Подбегаю к столу, расположенному где-то на от-

шибе рядом с сигаретным киоском. Наблюдаю двух мужиков по форме в тельняшках и бескозырках с кокардой в виде якоря.

– Фамилия, малой? – ляпает один.

– Рахимов – говорю я.

– Давай сюда паспорт и военный билет.

Капитан-лейтенант (далее – каплей) скрупулезно и не торопясь листает военник. Делает какие-то записи и пометки у себя на листке, после чего, вместе с мичманом отходят на время.

– Жди здесь, – отрывисто говорит он.

По прибытию, каплей подзывает меня, возвращая мне обратно документы и монотонно так говорит: «136-ая команда на Севастополь». Что произошло, я так и не сообразил. Но понял одно: тот самый Большой Брат, который сидит выше, существует, раз он услышал мою мольбу. Шах и мат, атеисты. Радостный, с полными штанами, иду отыскивать команду новоиспеченных матросов.

Седьмое июля. День «Дэ».

Примерно после обеденного приема пищи, наша доблестная гоп-команда построена на первой линейке, именуемая жалким подобием «плац», напротив центрального входа. За то время, проведенное в допризывном патриотическом пункте подготовки, в делегации наших «покупателей» прибавился один персонаж. Товарищ старший мичман. Этакая колоритная персона с большим, свисающим животом и ши-

рокой расплывчатой ряхой, заросшая двухдневной щетиной. И вот мы, молодые и вонючие, переодетые в ужасно конченую, которая сделана из очень некачественной ткани, в берцах, которые ни разу никому не по размеру, стоим по черной офисной форме и загораем на солнце, наблюдая, пока надувной батут в погонах, очень вкусно и не особо спеша, допивает охлажденный ж/б Sprite.

После мичман подходит к нашей коробке почти вплотную, начиная обход по первой шеренге. Ходит и очень так медитативно осматривает наши лица, вглядываясь почти в каждого из нас. Затем, чуть погодя, отходит назад и закуривает, продолжая агрессивно смотреть в нашу сторону. Тем временем каплей и старший мичман стоят неподалеку хихикают в тенёчке, тыча пальцами в свои телефоны, громко посмеиваясь.

– Значит, внимайте внимательно и сосредоточенно, опарыши – хрипит пузан, – что бы к вечеру, перед отбоем, все как один, сука, были выбриты и сверкали своими пубертатными подбородками, как мои наливные яйца. Если вдруг, кто-нибудь забудёт на это дело, побрею его вафельным полотенцем. Это понятно?

«А сам-то, чушпан эстрогеновый, ни разу не бритый, падла» – после справедливо галдели парни.

– Да, – вопит неизвестный герой из последней шеренги.

– Манда! – выпаливает пузан. – Оставь это слово на гражданке, сынок! Кто эта кошачья отрывка? Кто это сказал?

Гробовое молчание. Мичман делает второй заход на обход.

– Внимание! Общая команда «сесть»! – командует он.

– Вста-а-а-а-ть!

– Сесть!

– Вста-а-а-а-ть!

– Сесть!

– Спрашиваю ещё раз. Кто это сказал? – орет пузатый.

– Это я, – слышу сзади.

– Служить дахуйа! Вышел из строя!

Бедолагу буквально выталкивают из строя. Пухлый тут же начинает отвешивать ему отцовских наставлений, разъясняя, мол «браток, в армейке другой сленг и быт». Закончив педагогический нецензурный урок, возвращаемся в холл за вещами и тут же строимся рядом с автобусом, уготованным для нашей дальнейшей переброски в аэропорт.

В автобусе, мать его, как по иронии судьбы, сломан кондиционер, ввиду чего, он очень стремительно наполняется ароматом мужских сальных желез, вкупе с выветриваемым до сих пор перегаром. В автобусе стоит настолько сильный фан, словно едут не молодые призывники, а компания самцов горилл, у которых началось обострение в брачный период, при острой диарее. Вонь присутствует, настроение отсутствует.

Kazan International Airport был последним чек-пойнтом, перед отправкой на полуостров. Задержка рейса ещё на час.

Ребята нервничают, то и дело, выбегая перекурить небольшими группами, пока мичман атакует местные забегаловки и кофе-автоматы. Хвала Господу, наш полёт был на гражданском боинге. Эконом-класс, в котором мы отсиживали наши, уже по прошествии двух часов, квадратные точки—G. Хорошие и молоденькие стюардессы, в обтягивающих юбках на высоких каблуках и не поддельным запахом женщин; мы, уже успевшие одичать буквально за каких-то пару дней, под которыми давно пора мыть полы, ввиду обильного слюновыделения и спермотоксикоза, агрессивно-голодными взглядами разглядывающие стюардесс. Остальной контингент – гражданские. Они – отдыхать, мы – защищать. Каждому свое.

С посадочным местом повезло. Весь полёт смотрел в замёрзшее окошко, неугомонно разглядывая ландшафты нашего необъятного и могучего Отечества. Облака. «Перистые, перистые, слоистые, кучевые...» – в памяти всплывают какие-то отрывки уроков географии 7–го класса. Все пассажиры сидят с открытыми ртами, перманентно прочищая ушные раковины от резкого перепада давления воздуха в салоне. Продолжая пялить в окно самолёта, ощущая резкий перепад настроения, который сигнализирует о непонятных мне дискомфортных позывах моего внутреннего эмоционального состояния и в то же время, наполняя чем-то достаточно непривычным мне ощущением.

Я ловлю себя на мысли, о новом этапе в моем непонят-

ном пубертатном жизненном цикле. Об окончании учёбы и спонтанным решением пойти служить. О новых горизонтах и возможностях, которые уже, возможно, поджидают меня в дальнейшем. Размышляю о том, какой будет служба, кто будет составлять моё окружение на ближайшие триста шестьдесят пять дней. Задумываюсь, почему некоторые из товарищей, так отъявленно и уверенно, пытались отговорить от службы и переиграть ситуацию с повесткой. Сентиментальное состояние семимильными шагами плотно наполняет мой молодецкий разум, ввиду чего начинаю теряться в пространственно-временном континууме.

Подступающая неуверенность, в доверок с угнетенным эмоциональным состоянием, мысленно перебрасывают меня во времена моего детства, когда я, семилетний салага, в бешеном порыве адреналина и панике, пытаюсь уехать на старом, ржавом «Урале», железная рама которого, при каждой встречной кочке, нещадно бьёт меня по бубенцам, от стаи диких деревенских гусей, которым я, судя по их мерзкому гоготу и агрессивной атаке, нехило насолил, испортив им тем самым прогулку, преследовавшие меня по всему двору. А затем, после неудачной погони, я, стремительно залетев в огромный куст дикой крапивы в одних трусах, после восстав от жгучей мести и ярости, вкупе с детской обидой, поспешно бегу в дом к бабушке поплакаться в жилетку, размазывая свои сопли по кулачку. С тех пор я люблю жареных гусей, и терпеть не могу крапиву, на уровне флоры и фауны. На лице

появляется довольная ухмылка, ввиду которой, изо всех сил пресекаю утробный ржач, который вот-вот выйдет наружу.

Вместе с тем, замечая ощутимый физический перевес нашего воздушного судна, плавно и не спеша начинающий посадку в Simferopol International Airport named Sultan Amet-Khan, пытаюсь прийти в себя. Некое менструативное женское загадочное состояние, «при красных днях» календаря, постепенно стихает. Режим «не комильфо» проходит. Капитан боинга авиакомпании Red Wings Airlines сообщает об успешной посадке в крымской столице и желает всем приятного времяпровождения, запоминающегося отдыха и благодарит за выбор их авиалиний.

Каплей дает команду «всем сидеть», чтобы пропустить гражданских, и мы наблюдаем активные и похотливые тазобедренные движения девчонок, поочерёдно желающие нам лёгкой и быстрой службы. Провожая блаженным взглядом последние дамские окорока, стремительно удаляющиеся от нас, мы направляемся к выходу, под строгим конвоем, как и полагается военнопленным заключённым. Проходя мимо команды бортпроводников и девчонок, из открытой двери поддувает южный воздух. Стюардессы одаривают нас своими милыми, хорошо отрепетированными за долгие годы работы, улыбками и так же желают хорошей службы. Первый полёт на самолёте я запомнил. Повышенное атмосферное давление, спёртый воздух и влажный ветер. Симферополь.

Chapter Three.

Десять вечера по московскому. Спустившись вниз по трапу, строем направляемся к терминальному пункту выдачи багажа. Пятиминутный перекур. Двигаем на автобус до Севастополя. Ближайший рейс мы ожидали примерно до трёх часов утра. Все оставшееся время, завернувшись в бушлаты, сидя на сумках «Армия России», разогревали армейские сухпайки, очень сильно походя на неместных бомжей, в чёрных одеяниях. Было достаточно темно, и мало кто мог рассмотреть нас в кромешной тьме. Единственное, что бросалось в глаза – небольшие костёрчики от таблеток сухого спирта, находящиеся неподалеку друг от друга. Кое-кто из ребят, рискнувшие отпроситься до магазина, были тут же посланы далеко и надолго старшим мичманом.

В автобусе поспать не удалось. По пути так же не получилось разглядеть хотя бы дорогу и только рано под утро, ближе к пяти часам утра, едва заметил каменный монумент «Город-герой Севастополь». Географически так получилось, что ландшафт легендарного Севастополя имеет горный рельеф. Особенно это ощущается, прогуливаясь по узким, ещё отдающими запахом ушедшей Украины, улочкам, напоминавшие мне фильмы о Великой Отечественной Войне, которые так лаконично передавал наш советский кинематограф. Горы, воздух и живописные пейзажи – железные аргументы, для посещения этого полуострова.

Выгружаемся из автобуса. Пересчитав нас уже в сотый

раз на очередном построении, организовав строй, движем дальше. В пути дико припирает покурить, справить нужду и снять берцы, натирающие с посадки в самолёт. Таким дискомфортом страдала вся наша банда, именуемая старшим мичманом «банда вонючий ветер», начинавшая хронически прихрамывать. Проходим какую-то остановку, сквер, названный в честь с какого-то известного крымско-татарского писателя, героически сражавшийся в Крымскую войну, впоследствии, отправившийся в поэтическую ссылку. Пересекаем городской парк, проходя под вековыми клёнами. Выходим на улицу, ведущая нас стремительно вниз, и на горизонте наблюдаем Севастополь во всём его неподдельном величии.

Вдалеке я замечаю огоньки гостиницы «Украина», которые расплываются у меня в глазах. Причалы, бухты, морские суда, верфи. Резкие подъёмы и спуски, городская инфраструктура. Сзади простираются могучие горы, над которыми не спеша восходит солнце, одаряя нас тёплыми лучами. И вся эта картина настолько далеко от нас, и мне кажется, будто я наблюдаю её со стометрового расстояния. Морской бриз поддувает в мой лысый затылок и мне становится по-детски хорошо и приятно.

Какое-то время спускаемся вниз. После сворачиваем вправо и, оказавшись где-то в подворотне, снова поднимаемся на пригорок. Забаррикадированное КПП. Встречает суточный сержантский наряд. Выслушав каплея, о цели при-

бытия, по одному продвигаемся внутрь, тут же выходя на улицу.

По плану обход в санчасти. Осматривая все пристройки, находившиеся на территории войсковой части (далее – в/ч), можно запросто подумать, будто попал в Советский Союз, причём в очень сильное послевоенное время, когда господин Иосиф Виссарионович заново отстраивал страну по крупницам и фрагментам, оставшиеся после военной разрухи. Инфраструктура была настолько обветшалой и убогой, что отдавала запашком сала с горилкой. Об этом и не только я успел подумать, стоя на втором этаже санчасти, потной подмышкой согревая градусник.

Медперсонал почему-то тётки по гражданке. Кто-то из них поинтересовались, имеются ли у кого-нибудь жалобы на состояние здоровья. А они были, я уверен, практически у всех. Никто не рискнул, под неадекватным взглядом мичмана, подпортить его себе ещё больше. Правая нога необоснованно начинала скулить при ходьбе, но, не особо придав этому значения, забил на это дело, что впоследствии, аукнулось мне пламенным приветом, на время, выбив меня из строя. Померив температуру, выходим на улицу, строим валим в казарму. В казарме обстановка протекала ещё хуже, чем в санчасти. Трёхэтажная казарма представляла собой бывшее бомбоубежище, судя по всему, оставшаяся после ВОВ, лихо оборудованная под казарменное помещение.

Завтрак мы благополучно миновали. Пришлось воспол-

нять запасы гликогена и глюкозы остатками сухпайков. В идеале, по «армейской инструкции», сухие пайки, в современной российской армии, предназначены под использование на сутки. Провизии в нём заложено не густо, но тебе, как военному, переносившему все тяготы и лишения армейского бытия, необходимо растянуть его ровно на три приёма пищи, желательно. Завтрак, обед и ужин. Стоит отметить, что все они, сухпайки, имеют определённые номера, исходя из которых, можно с точностью сказать, повезло тебе с едой на ближайшие сутки или нет. А провизия действительно мало-съедобная. Но это только на первый взгляд, пока из тебя не выйдут все мамины пирожки. По ходу службы, их уплетают абсолютно все. Причём уплетают так, что за ушами трещит. Со временем, начинаешь, исходя из номера, тщательно выбирать себе добротный паёк. Говоря о плюсах, стоит так же подчеркнуть минусы. Он всего один. Запор. Недельный.

Из всего содержимого провизии, с хорошей стороны можно отметить плавленый сыр, и то, если хорошенько подогреть его на огне, жвачку Mentos, набор офицерских галетов, похожие на хлебцы, только со вкусом хлорида натрия и чего-то там еще, яблочное повидло, похожее на забродившее варенье и офицерский шоколад. Гречневые и рисовые каши, «тефтели» с овощами, рис с «курицей», солёный шпик (оно же сало, напоминавшее рвотные позыв иждивенца) – полный кал, хитро замаскированный под человеческую еду.

По истечению периода службы, твой кишечник, организм

и иммунитет, в целом, коренным образом, можно сказать, перестраиваются, ввиду совершенного иного рациона питания. Для меня было своего рода открытием, когда, я, будучи отслужившим, порядка двух месяцев, заметил полное отсутствие жареной пищи. Это объясняется содержанием холестерина. К тому же, жирная пища вредна, и на самом деле тяжела для восприятия твоего желудка, который и так, ровно, как и ты сам, испытывает тяготы и лишения от всего ему ранее привычного. Перестроение работы кишечника и выработка иммунитета проходят порядка шести месяцев. Впрочем, у каждого индивидуально.

К слову об армейском рационе, организме и иммунитете. В ВС актуальна исключительно вареная и пареная пища. Исключений, как правило, нет. Котлеты на пару, вареная курица, говядина, оставшаяся на складах продовольствия, со времён Леонида Ильича. В праздничные дни, а также по обычным воскресеньям, рацион пополняется сладкими бонусами. В ходе «модернизации» пищеварительной системы, имеют место быть различного рода непривычные, дискомфортные реакции. Иммунитет стремительно падает, чем объясняется банальной нехваткой витаминов в растущем организме. Возникновение авитаминоза, ярко проявляется осложнениями, заболеваниями и инфекциями. Острую нехватку витаминов следует соотнести с жестоким недосыпом, постепенно переходящий в хронический, и полную антисанитарию, касающаяся условий проживания и вообще в целом.

По прибытию в одну из сева­сто­польских в/ч, в ко­ей мы на­хо­ди­лись на тот мо­мент, бы­ло по­до­зре­ние в ней, как об ос­нов­ном мес­те не­се­ния слу­ж­бы. Как ока­за­лось, по­з­же, мы на­хо­ди­лись в оче­ред­ном и к сча­стью, ко­неч­ном рас­пре­де­ли­тель­ном пун­кте, по­сле ко­то­ро­го про­ис­хо­ди­ла пря­мая от­прав­ка по да­ль­ней­шим час­тям. Вме­сте с на­шим при­зы­вом, на тер­ри­то­рии пун­кта на­хо­ди­лись при­зыв­ни­ки изо все­й Рос­сии. Мос­ква, Пи­тер, Крас­но­дар­ский край, Уль­я­нов­ск, Вла­ди­мир, Рязань. Боль­шой при­зыв на­блю­да­лся у Крас­но­дар­ско­го края, чис­лен­но­стью в две­сти че­ло­век.

Су­дя по раз­го­во­ру южан, их транс­пор­ти­ровка про­хо­ди­ла так же на са­мо­лё­те. На во­ен­ном са­мо­лё­те. Точ­но не по­м­ню, на ка­ком имен­но. Что-то по­хо­жее на со­вет­ский Ил-76. Со слов ку­бан­цев, са­мо­лёт был обо­ру­до­ван ис­клю­чи­тель­но жё­ст­ки­ми си­де­нья­ми, на ко­то­рые они ре­гу­ляр­но при­зем­ля­лись сво­и­ми точ­ка­ми–G, по­сле оче­ред­ной «зо­ны тур­бу­лент­но­сти», ле­тая по все­му са­ло­ну, гром­ко ма­тер­ясь. И то­гда-то мы по­ня­ли, что наш полёт, ка­кой мож­но бы­ло толь­ко при­ду­мать, был са­мым луч­шим.

При­кон­чив ос­та­тки су­х­па­ёв, объ­яв­ля­ется об­щее по­стро­е­ние на пла­цу, ко­то­ро­го ни раз­у не по­ща­ди­ло вре­мя, оста­вив в нём не­ба­ца ог­ром­ные ды­ры, на­по­ми­нав­шие мне, по­че­му-то, в про­ш­лом тран­ше­и или око­пы, оста­ви­шие­ся с тех са­мых по­сле­во­ен­ных вре­мён. Сол­нце дос­та­точ­но уве­рен­но по­до­гре­ва­ет на­ши чёр­ные оде­я­ния, но­сить ко­то­рые уже про­сто не­вы­но­си­мо. В та­кую по­го­ду, по край­ней ме­ре. На по-

строении нам разъясняют что требуется от нас. Прохождение третьей комиссии, по результатам которой будет отправка по частям.

Все мероприятия происходили в специально отведенной пятиэтажной постройке, больше похожей на какой-то бывший дом офицеров. На втором этаже располагались просторные помещения с высокими потолками, оборудованные под врачебные кабинеты. Кабинеты разделял широкий коридор, в котором выстраивались живые очереди. Масштаб прохождения был грандиозным. Шум и гул добавлял движа в атмосферу.

После обеда, медкомиссия протекала в полном разгаре. Из кабинета в кабинет вбегали-выбегали разной комплекции скинхеды в зелёных семейках. Смысл этого ВВК был не замысловат, как и два предыдущих. Врачи, анализы, заключения и прочая макулатура. По ходу пьесы, весь этот кипишь начинал надоедать. Крысиные бега, и плюс ко всему этому постоянно на своих двух. Времени не оставалось даже на банальное справление нужды. К тому же скопление в пузыре настолько затрудняло сам процесс, что дошло до степени некой боли в мочевики, очень отвлекавшая от всего происходящего вокруг. При этом в голове крутилась мантра «я должен сегодня посрать, я должен сегодня посрать». Стоя в очереди, успел разговориться с несколькими кубанцами, поведывавшие мне о диагнозе с ногой.

– А слухай, это самое, а шо это у тебя с ногой, а, братец? –

с характерным южным акцентом поинтересовался один. – Опухла шо капец прямо–таки. Болит?

– Понятия не имею, – отвечаю ему. – Опухоль недавно вроде появилась, при ходьбе побаливает неприятно. А так терпимо.

– Слухай, дак, это самое, ну, у тоби просто оттёк ступни, ага! – встревает второй. – Ты, это самое, поменьше воды пей и больше сыкать бегай, – резюмирует он.

– Оттёк? – кривлюсь я. – От чего он может образоваться-то? Я и не болею ничем.

– Та послухай, у тоби в организме жидкости дуже, понимаешь ты? Тоби надо бы посыкать хорошенечко и пройдёт усё. Нога как новенькая будет, отвечаю тоби. – заключает второй.

– Ты врач? – спрашиваю я.

– Та ну не то шо бы врач, братец. Образование у мене другое немного. Стоматолог я – улыбается он. – На практике в технаре своём ещё запомнил.

– Окей, понял тебя. Спасибо громадное, – пожимаю ему руку.

Основными критериями, игравшие важную роль, в заключение финальной медкомиссии – кабинеты психиатров. Процедура не замысловатая. В кабинете, сидя напротив врачей-психопатов, которые, по-моему, были стажерами или практикантами ты изливаешь свои намерения пройти службу:

А) ОБрБО и ОБрМП – отдельные бригады Береговой Обороны и Морской Пехоты;

Б) НК – Надводные Корабли.

Выслушав твои бредни, они, в свою очередь, задают тебе ряд таких же, не замысловатых и придурковатых вопросов. Собственно, на основе них и происходит распределение. Плюс прохождение абсолютно идентичного психологического теста, которые проходят все призывники в военкоматах, отнимающий в лучшем случае час-полтора. Распределение, предположим, в НК проходило по соответствующему образованию. У нашего призыва встречались ребята с дипломами речных колледжей, техникумов и университетов речного судостроения. Распределение в МП и БЧ зависело напрямую от твоих физическо-природных данных и категории здоровья. И, конечно же, умственных. А-1 – максимум, А-3 – минимум.

Комиссия завершилась в тот же день. Заключительным мероприятием было контрольное построение на том же втором этаже. Оставалась последняя инстанция – товарищ капитан 2-го ранга (далее – капдва). Капдва делал соответствующую отметку в карточке твоего личного дела. Но и на основе этой отметки, так или иначе, невозможно было даже предположить, куда тебя сошлют.

Сбегал пару тройку раз мощно сикануть, в надежде мгновенного спада оттока. Правая ступня, в самом деле, начинала ныть по нарастающей. При ходьбе пронизывала терпи-

мая, тупая боль. При быстрой ходьбе ныла, паскуда, будь здоров. При беге я походил на раненого примата, пытающегося скрыться от браконьеров-охотников. Тем не менее, как бы я этого не желал, походка была с уклоном на правую ногу, хоть и старался сильно её не напрягать. Спустя пару часов, ступня начинала отдавать колкой и острой болью. В прочем, я не особо выделялся.

Подавляющее большинство походило на отряд ДЦП-зомби, ввиду мозолей и прочих коварных натираний в самых разных местах. Наступил момент, когда от нас чрезмерно и стремительно начало смердеть потом. От кого-то уже сероводородом. Было принято решение устроить банный день. Заслышав слово «баня», радости не было предела. В голове рисовалась очень приятная картина. Проще говоря, все те обычные ассоциации, возникающие при слове «банька». «Банька, парилка, ебля и горилка» – дружно напевали парни.

Говоря откровенно, ни разу в жизни я не мылся настолько быстро и отчаянно. Наш первый поход, раз и навсегда развенчал все представления и мифы об армейской бане. Она представляла обыкновенную пристройку. Стандартный тамбур, вслед за ним помещение для переодевания. Последняя дверь вела прямо в сердце бани. Ритуалы подмывания осуществлялись быстро и без вопросов, ну и по команде, конечно же. Как и все, что делается и происходит в армии. Картина, следующая. По команде залетаем в предбанник. Будто с глистами в заднице, а по-другому это не выглядело, разде-

ваемся наперегонки и с разбега заходим в последнюю дверь. Помещение, непосредственно, предназначенное для помывки личного состава, постепенно наполняется парами кипятка. Видимость нулевая. Удивился я и тем каменным, продолговатым блокам, использование которых было для подставки мыльно-рыльных принадлежностей. На ощупь хватаешь металлический тазик, набираешь воды. По ходу движения, парни нехило так падали, натыкавшись друг на друга. Помню звонкий шлепок чьего-то живота об кафель. Пузан, поскользнувшись, перевернув тазик кипятка на свои причиндалы. При этом стоял дикий ржач и хохот. Из-за какого-то угла доносился ор старшины: «быстрее, девочки, быстрее!»

По окончанию комиссии, общему призыву было отведено пару часов свободного времени. В основном все терлись в курилке, находившаяся напротив казармы, в тени вековых клёнов. В том промежутке времени, происходили братания и знакомства между парнями. Обмен разного рода историями, байками, анекдотами. Рассказы о бурлящей и лихой жизни до армейки, вспоминают общих знакомых, друзей, товарищей. Найти односельчан или земляков – на вес золота. Бесценно, я бы сказал. А для всего остального есть MasterCard. На гражданке, понятное дело, вы друг друга знать не знали. Даже не пересекались ни разу и не подразумевали о существовании друг друга. Но тут особый случай. Он сводит людей воедино. Делает вас одним целом. В основном, выезжа-

ете на теме общих интересов и знакомых. Завязывается общение, общие шутки, истории, анекдоты. И вы уже кореша, во веки вечные.

Перед ужином, объявляется общее построение, запомнившееся мне надолго. Построение так же коснулось старослужащих и дембелей. Вся бригада загорала на плацу, ожидая прибытия командира бригады (далее – комбриг). Ожидали капитана первого ранга (далее – капраз). В пассивном состоянии, ожидая вождя, вылившиеся в последующие часа три-четыре, успел поразмыслить на различные темы, породившие много вопросов и так мало ответов. Успел возненавидеть все возможные построения, медкомиссии, офицеров. Успел мысленно проклянуть зловонную черную форму, побелевшая от пота до такой степени, что можно было пускать на ветошь. Особенно бесила южная погода. Вместо правой стопы, как мне уже казалось, стоял протез. Ни боли, ни жжения, я уже не чувствовал. Единственное чего мне хотелось – поест и беззаботно придавить физиономию где-нибудь в теньке часов на десять.

Но ни того, ни другого не перепало. Устроившись за стол, спустя полтора километровую очередь военных рыл, начал атаковать недоваренные и не знавшие соли макароны, с советским, резиновым куском говядины. За столом, вместе со мной, томились ещё пару бедолаг, с очень кислыми минами, напоминавшее лицо моей школьной учительницы биологии, выслушивающая мой реферат на тему «ранее половое созре-

вание у мальчиков». Привлёк внимание тип, без умолку вещавший на другом конце стола. Он эмоционально выдавал истории из своей жизни. Я будто слушал краткий пересказ «Онегина», в нецензурной и колхозной версии. В основном, его байки строились на регулярном доминантном траханье красивых девчонок, тусовках в лучших клубах и барах, о и его «мерседесе цэ класса», который даже если и существовал, то точно не в его поле собственности, а скорее всего отца, который, возможно, оторвал сыночка у мамкиной титьки.

Смекнув о присутствии очередного мистификатора, не придав бредням никакого значения, уже переходил на салат, выглядевший вполне адекватным для кишечника. Но его вкус остался для меня загадкой, ибо сзади не заметно подкрался старший мичман, прервавший работу наших алюминиевых вёсел. Внешность его напоминала легендарного моряка Попая. Могучий щетинистый подбородок и подкаченные руки. Для полноты имиджа не хватало трубки в зубах.

– Ты пришёл сюда пиздунца словить или на приём пищи, ты, обезьяна бритая? – гаркнул старший мичман.

– На приём пищи пришёл, – начал оправдываться Казанова. – Просто я...

– Просто так даже мама папе не даёт. – Тебя вставать не учили, при обращении старшего по званию, полудурок? – продолжал мичман.

– Нет, не учили, – уронил Казанова. – Мы же ещё...

– Да срать я хотел! «Никак нет, товарищ старший мичман» – так ты должен отвечать, матросня потная, ферштейн?

– А я думал, вы в звании прапорщика – начал выезжать плейбой. – Я...

– Ты совсем, конченный, а? Где ты во мне прапора увидел, крыса полосатая?

Мичман подошёл вплотную, и тогда я впервые почувствовал, как пахнет страх. Если бы парень был осьминогом, то, наверняка, пустил бы струю чернил в штаны. Далее старший мичман скомандовал что-то в духе «окончить приём пищи, построение на плацу». После, парнокопытный объяснял парням, почему те остались голодными. За ужином следовало свободное время. По пути до казармы, боль в ступне напомнила о себе. Кто-то, из местных офицеров, наблюдая мою лёгкую джазовую походку, подозвал меня, поинтересовавшись, в чем причина. Достав ступню из сильно пахнущего берца, сняв армейские уставные носки, больше напоминающие женские гольфы с плотной резинкой до колен, наблюдаю, подобие былой стопы, сменившийся цвет которой напоминал полицейские мигалки. По габаритам она напоминала стопу пещерного питекантропа. Лейтенант (далее – литёха) поржал, обозвав меня парнокопытным дауном, и отправил в санчасть. Переобувшись в тапки, взяв документы, доковылял до санитаров. Заняв место в живой очереди, рухнул на кресло. Глаза постепенно начали слипаться. В ногах чувствовалась приятная усталость, периодически перешедшая в

лёгкие судороги.

Ощущение нарастающей пульсации в отёкшей стопе. Дойдя до санчасти, цвет успел смениться на светло-лиловый. В местах, с хорошо заметными тёмно-синими капиллярами, проглядывался багровый цвет. На мгновение мне бредилось скопление всех четырёх литров крови в разбухшей стопе. По мере нарастания пульсации, казалось, будто стопа начинается нагреваться. Ощущение мнимого подогрева, вкупе с ритмичной пульсацией, на время успокоили начинающийся нервоз, постепенно хороня в сады Морфея. Сквозь сон слышу южные акценты санитаров.

– Ну, шо, ты у нас с ногами? – спрашивает первый.

– Тут, вроде, все с ногами – оглядываясь, я.

– А шо случилось? Давай рассказывай, – спрашивает второй.

А ШО ТЕБЕ РАССКАЗЫВАТЬ-ТО? ЧТО ТЕБЕ РАССКАЗЫВАТЬ? РАССКАЗАТЬ, КАК И ИЗ-ЗА ЧЕГО ПОЯВЛЯЮТСЯ ОТТЁКИ? В УПОИТЕЛЬНОМ КЛЮЧЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ, ОПИСАТЬ АНАТОМИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТУПНЕЙ? ЧТО, СУЧАРА, МНЕ ТЕБЕ РАССКАЗАТЬ? А, МОЖЕТ БЫТЬ, РАСКИДАТЬ ПО ПОЛОЧКАМ ПЕРВИЧНЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТТЁКОВ ЧЕЛОВЕКА ОБЫЧНОГО? УКАЗАТЬ ПРИЧИНОЙ ЗАПУЩЕННЫЙ ВАРИКОЗ, ЗАМЕТНЫЙ ПО СИЛЬНО ВЫСТУПАЮЩИМ КАПИЛЛЯРАМ? ОТМЕТИТЬ НЕЗДОРОВУЮ ВЕНОЗНОСТЬ? ЧТО,

ВАМ, МАТЬ ВАШУ, МНЕ РАССКАЗЫВАТЬ? ОТМЕТИТЬ ЧРЕЗМЕРНОЕ НАХОЖДЕНИЕ ЖИДКОСТИ В ОРГАНИЗМЕ? ТАК ЖЕ ПРИПЛЕСТИ СЮДА БЕРЦЫ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РАЗМЕРАМ МОЕЙ ОТТЁКШЕЙ СТОПЫ? ИЛИ РАССКАЗАТЬ О АККЛИМАТИЗАЦИИ И СТРЕССЕ ОРГАНИЗМА, КАК ОБ ОДНИХ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ФАКТОРОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЭТОЙ ХРЕНИ? ЭТО ВЫ МНЕ РАССКАЖИТЕ!

– Я думал, что санитары здесь вы, и... – говорю я.

– А ты думать в другом месте будешь, – встречает второй. – Здесь не нужно думать, малый. – Если хочешь, что бы мы помогли, нужно рассказать...

Понимая, что диалог у нас не завяжется, подумываю быстро слинять из этого логова военных дилетантов. А тому ли-тёхе скажу, мол, температуру померили и хватит. Ощущая приступы адской вялости и апатии, пытаюсь привстать из кресла. Подходит второй, протягивая мне, градусник и говорит пройти к ним в кабинет.

– Аллергии на что-нибудь имеется? – спрашивает первый.

– Никак нет.

– Сотрясения в детстве бывали? По голове не были в детстве?

«Судя по всему, это тебя по голове били» – думаю про себя. – Никак нет.

– На уколы есть негативные реакции?

– А это как?

– Температура, чесотка, зуд, сыпь, тошнота, рвота.

– В смысле до призыва?

– В смысле? – переспрашивает второй.

– В прямом.

– На вопрос отвечай, – говорит первый.

– Никак нет.

– Что «никак нет»?

– В смысле негативных реакций никак нет.

Далее первый быстро выводит каракули в моей карточке.

Звонит стационарный.

– Да? Я, товарищ капитан-лейтенант! – Не могу знать, товарищ капитан-лейтенант... У нас в холле много матросов с температурой и мозолями. Да, слушаю... Есть, принял... Так точно. Товарищ капитан-лейтенант, разрешите по прибытию машины, отправить несколько матросов в госпиталь. У троих температуры высокие, а у четвертого, температура высокая и отёк.... Я так думаю.

ОТТЁК! БИНГО, ФОРРЕСТ! ЭТО, МАТЬ ЕГО, ОТТЁК!

– Отправим тебя в госпиталь. Возможно, потребуется хирургическое вмешательство.

– Обязательно в госпиталь? Нельзя сделать это у вас?

– Мы бы и тут тебя смогли прооперировать, только у нас здесь инструментов нет нужных. Это ведь всё-таки медпункт, а не госпиталь. – Сходи до казармы, возьми предметы личной гигиены и снова сюда. Подождёшь машину здесь. В госпитале выспишься, отдохнёшь, трусы женские понюха-

ешь. У тебя пять минут.

Chapter Four.

Медицинская таблетка, она же «буханка», стремительно неслась по узким и витиеватым улочкам ночного Севастополя. Город-герой, с наступлением темноты, представлялся несколько иным, по сравнению с утренними наблюдениями. Поднимаясь на перекрёстке, уходя вправо, и тут же быстро спускаясь вниз, останавливаемся на светофоре. Водитель бешеной таблетки, судя по всему, насмотревшись трилогии «Перевозчика», по дороге исполнял всякую дичь, насилуя акселератор. Наблюдалась какая-то непонятная страсть к фонарным столбам. И чуть не получился страйк с компанией каких-то бомжей. Буханка, при каждой кочке, отдавала противным скрипом. То ли скрипы исходили от водителя, то ли от отживших конструкций. Не понятно. Но предельно ясно было, что УАЗ сильно «устал» от продолжительных ралли-заездов. В дороге успел уснуть, дав глазам отдохнуть минут на десять.

Территориально госпиталь находился, судя по продолжительному спуску, в нижней черте города. По прибытию, наш болид долго не хотели пускать. Водила отчаянно поддавал в клаксон. На горизонте замаячили пару лысых в матросской робе. В нецензурной форме, узнав о цели прибытия от шефа, не торопясь открыли ворота. В регистратуре встретили пару сестёр-хозяек. Померив температуру, двоих сослали обратно в часть. Нас же, нарядив в робы кожвена, цвета фекалий,

отправили этажом выше. Присев на медицинские кушетки, ожидали санитарок. Возня с документами, записи в личных делах. Перед заселением в палаты, очень необходимо было идентифицировать наши души. Процесс регистрации затянулся ещё минут на двадцать.

Разбудила меня одна из сестёр, указав о необходимости сделать укол антибиотика. Быстро смазав правое полушарие, игла вонзилась прямо в мышцу. Далее я, побрыкавшись на кушетке, как конь на ипподроме, сунул ноги в цинковый сосуд со спиртом. Этанол полностью оправдывал свои девяносто пять. Вонь стояла адская. Завершив это десятиминутное издевательство, отвели в палату. Помещение, окутанное крошечной темнотой, представлялось довольно просторным. Из разных углов палаты хаотично мигали экраны телефонов. Дойдя на автомате до койки, рухнул в её объятия. Дверь захлопнулась с той стороны.

– Эй, малой, тебя чего, в ванне со спиртом купали или шо, а? – говорит голос из темноты. Банально, сил не было не то, чтобы отвечать, но даже реагировать на все происходящее вокруг. Начинаю вырубаться. Голос из-за угла привстаёт по направлению в мою сторону. Коморка наполняется тёплым, и в то же время душным ветерком, поддувающий в мою проспиртованную стопу.

– Ну, шо ты, малой, не разговариваешь вообще? – спрашивает тот же. – Вонища стоит шо караул просто. Тоби шо, дезинфицировали или как?

Тусклый свет фонарного столба преломляется через открытое окно. Почти закрытым левым глазом, замечаю бритоголовую громадную тушу в тельняшке. Лицо матёрого уголовника-рецидивиста. Могучий подбородок. Понимая, что нужно каким-нибудь образом ответить ему, сам того не замечая, проваливаюсь в сон.

Живописный пейзаж простирается передо мной, словно на открытой ладони. Присмотревшись вдаль, замечаю богато усаженную лесополосу, идущая в ряд, напоминающая, почему-то, отдельные роты солдат в камуфляже, построенные на передовой. Проезжая дальше, чувствуя изменения траектории поездного состава, всматриваюсь в безоблачное небо. Клином, не торопясь, рассекая пространство, скользит стая птиц, сильно похожие на МиГи. Меня начинает немного мутить от таких странных ассоциаций, но я, блаженно вглядываясь в рисующуюся предо мною картину, забиваю на это. Чуть дальше, замечаю глубоководное озеро, спокойная гладь которого, отсвечивая проблесками будничного солнца, ярко слепит глаза.

Одномоментно наслаждаясь лицезреющим видом, отмечаю ощущение легкого покачивания вагона. Закрыв глаза, вслушиваюсь в ритмичное постукивание колесных пар поездных букс. Солнце, сквозь толстое советское окно вагона-купе, приятно согревает прикрытые веки. Абсолютно не понимаю, почему, правая сторона уголка рта наполняется

слуюной, стекающая по подбородку, впоследствии капающая мне на пятки. Поймав себя на мысли, о простой и такой необычной красоты нашей Родины, понимаю, что готов исколесить вдоль и поперек все регионы.

Легкое покачивание резко сменяется будоражащей тряской зоны турбулентности самолёта. Тряска внезапно усиливается, и я, поскорее хочу открыть глаза, чтобы узнать, в чём дело. Но не могу. Не понимая происходящее, пытаюсь с напряжением разлепить глаза. Не получается. На смену тряски приходит землетрясение. Глаза так и не хотят открываться. Землетрясение вновь усиливается. Приглушённо слышу голоса, доносящиеся откуда-то издалека.

– Эй, ты хавать пойдешь, нет?

Повернув шею, вижу двух парней, руками трясущие кровать, в одинаковых робах говёного цвета. Один из них, как-то по-дебильному смотрит на меня и повторяет вопрос. Утвердительно кивнув, я отделяю голову от подушки, примечая её местами мокрую. «Ладно, хоть не обоссался от таких пейзажей», – говорю про себя и сажусь на край кровати. Однополая банда выходит из палаты. Нащупывая ногами тапки, вываливаюсь на завтрак.

В сравнении с в/ч, рацион питания госпиталя в разы съедобнее. Большое содержимое порций выглядят достаточно аппетитно. За столом четверо. Парни жадно атакуют провизию, активно работая вёслами, хотя никто не торопит. Но и мы не в ресторане. У парней, как я понял чуть погодя,

уже выработан рефлекс на быстрый приём пищи. Несмотря на большие порции, они все же отличались. Каличи, загремевшие в госпиталь из-за недовеса, выявленный на последней комиссии. Для них, в порции закладывалось чуть больше провизии. Больше колбасы, сыра, масла. Очень порадовала панорама столовой. Трапезничая, сквозь широкие окна, можно было наблюдать живописный вид севастопольской бухты. Позавтракав, познакомился с ребятами, с которыми лежал в одной палате. Шесть кроватей. Три срочника, три контрактника (далее – контрабасы).

Госпиталь битком переполнен каличами, вроде меня. В основном это типичные представители по-умному, на их взгляд, «загаситься от службы». Этакие хитрожопые, по их мнению, лица, намеренно попавшие в госпиталь и продолжающие пребывать там, как можно дольше. Солдат спит – служба идёт. «Гасеры», «шкеры», «каличи». Госпиталь именовался «калиткой». Калитка для каличей. Слэнг допускает много разновидностей трактовки. Мораль сей басни такова: в ВС таких дико не любят и беспощадно ненавидят, ибо все знают, откуда ноги растут. Даже в случае острой необходимости отправки, по состоянию здоровья, в военный лазарет, на тебя будет повешен ярлык «инвалида-шкера» или «калича». Подобная лазейка далеко не в новинку в ВС. Тем не менее, она своевременно и быстро речено корректируется и совершенствуется в ногу со временем. Практика знает случаи, когда бойцы срочной службы, «переводились» в военные ла-

зареты, «дослуживая» в возрастных отрядах сестер-хозяек. В основном, подобные переводы происходят либо в самом начале службы, либо под занавес.

Рассказывали случай. Парня призвали на флот. В результате заключения призывной комиссии, паренёк был выявлен с характерным недовесом. Мало того, что он не проходил на флот, он априори не мог попасть в ВС. Затем выяснение причин, обстоятельств и прочих сопутствующих фактов, на предмет того, почему и как он здесь оказался. Стандартная схема предусматривает плановое комиссование обратно в Мухосранск. Делается соответствующая отметка в военном билете. «Комиссован по состоянию здоровья» и письмо в адрес военкомата в духе «вы, идиоты, хоть смотрите, кого и куда отправляете». На выходе кривой военник и упущенное время.

История, подслушанная у ребят, в курилке, на террасе госпиталя. Привезли срочника с геморроем. Парень служил на БДК. Календарь показывает наступающий год. Холодно. При прояснении этого казуса, выяснилось, что парень любил поморозить булки на холодных железках. Возможно, так исторически сложилось, что он попросту далёкий, а, возможно, банально не повезло. Месяц-два матросика продырявили различными медикаментами-транквилизаторами и недолго думая, на просто запихнули прямую кишку обратно в норку, выписав служить обратно. Неделю спустя, он снова на кушетке, красуется анусом усатому хирургу. Цикл повторя-

ется. Но на этот раз товарищи доктора, как ни странно, догадались зашить. Понятное дело, парень оказался не так-то прост и сделал запоминающейся камбэк, ознаменовавшийся «анальный хет-трик». Дальнейшую судьбу парня и его приключений история умалчивает.

В одни из многочисленных вечерних посиделок-перекуров, устроенные на террасе госпиталя, историей за историей я впитывал все прелести армейской службы. Рассказы парней, отслуживших приличный срок, были, несомненно, затягивающими. Большинство из них южане. Рассказы, анекдоты, обсуждения излагались с интересным повествованием, и в какой-то день, я понял, что начал качать пресс. Живот, вместе с нижней челюстью начинали побаливать, ибо ржали мы как кони, махая гривой. Особенно запомнилась байка с контрабасами на подлодке. Две девчонки, непонятным образом, оказались внутри лодки, оставшиеся там до окончания учебного выхода. Парни пробыли в открытом море шесть-семь месяцев. Между поочередными заходами халлявных потрахушек, девчонок, конечно же, кормили и мыли. При выполнении боевых учений, ни одна девушка не пострадала. Жесткие стёбы офицеров, контрабасов, сослуживцев. Истории о том, как офицерё заказали какую-то фею в комнате дежурного по роте, комбат, нажравшийся в соплю, устраивавший парням «пожар», деды, прокачивающие молодых, ночные самоволки тех же дедов, ПХД в казармах, стрельбы на полигонах, наряды, полевые учения, ту-

пость офицеров, и, конечно же, дни до дембеля. Парни делились наполеоновскими планами после службы. Водка, бабы, и аморальный отдых. Ничего нового из этого для себя не подчёрпнул. Никакой зависти не было, потому что знал – я точно так же вернусь домой. Правда, чуть позже.

Распорядок дня госпиталя почти такой же, как в обычной части. Отличалось только ничего не деланьем, частыми перекурами, звонками семье и товарищам, снова перекурами, адским пердежом тушёной капустой и лечением. За все время, проведенное в госпитале, я порядком поднаторел. Именно тем, что днями напролёт гонял дуньку кулакову, мощно стреляя в потолок, давил часами физиономию, тут же отъедая её, и вечером торговал ею в курилке. Улицу наблюдал с третьего этажа террасы, опять же покуривая бамбук. Наружу никого не выпускали. Пару дней спустя, на обследовании у главврача, узнал о моём ближайшем освобождении. Проводя осмотр, хирург сделал пару записей в мои карточку, отметив значительные улучшения состояния стопы. И накинул ещё неделю сверху. НЕДЕЛЮ.

Говоря честно, был очень рад таким новостям, ибо будничная рутина госпиталя всё больше приедалась до рвоты. Слишком часто на часы старался не поглядывать. Время тянулось неимоверно. Спасали фильмы на айпадах, привезённые местным ребятам, гражданская еда с сигаретами, которые, по простыне, ночью, под шумок, поднимали через окно палаты. Жарень достигла такой агонии, что парни придума-

ли игру «потная свинота». Суть проста. Мертвецки лежишь на кровати. Чуть шевельнёшься или подвинешься, истекаешь потом. Потная свинота обнаружена. Ты проиграл. Ребята прикалывались, как могли. Несмотря на жаровню, усиливавшаяся каждый день, парни так же придумали ещё одну игру, в которую играли все, кто ел тушёную капусту на обед. Предварительно закрывались все окна и двери. Помещение быстро наполнялось стухшим сероводородом. Вонючка стояла невыносимая. Цель заключалась в том, что на протяжении всех атак, нужно было устоять и перепердеть соперников.

Оттёк частично спал, под натиском курса антибиотиков, которые, говоря по чесноку, мало чем помогали, создавая видимость лечения. Стопу мазали непонятной мне «цинковой болтушкой», походившая на побелку для потолка. По запаху, кстати, тоже. Мои булки всё больше напоминали решето, потому что уколы вонзались в них частенько. По началу, курсы антибиотиков проходили в четыре грёбанных этапа. Завтрак. Обед. Полдник. Ночь. Спустя неделю, на три этапа, исключив уколы в полдник. Больше всего раздражали убудские «укусы комариков» – как выражались сёстры-хозяйки. Часа в два ночи. Уколы ставили две санитарки, в зависимости от их смены. Одна из них, не смотря уже на зрелый возраст, внешне была хороша собой. Холёная, в общем. Как-то раз, быстро перекуривая одну сигарету на семерых, между парнями завязались рамсы. Зрелая тётя ворвалась в курилку, разгоняя нашу бойз бэнд с криками «хорош уже

травиться, щас с конца закапает».

– Мужики, я б её так выпер, она бы потом ещё месяц не смогла сидеть, отвечаю, – вываливает первый, когда та ушла.

– Да тебе в дом престарелых надо. Или в морг, раз покойников любишь, некрофил. Она ведь уже там внизу мёртвая вся, – встречает второй.

– Это твой мозг давно мёртвый, философ ты комнатный, – А полушария её видал? Левая как подушка, а правой титькой укрыться можно и перезимовать. Или просто покататься в них от души, – показывает, будто плывёт по-лягушачьи. – Так что не гони, братец. Всё там нормально.

– Ага, выпер бы он. Это она б выперла из тебя все соки. Потом ходил бы в припадке, оглядываясь по сторонам, ма-чо, – встрял третий. – Баба-то с яйцами.

– В отличие от тебя, перхоть. – Лучше уж так, чем из своей кочерыжки все соки выбивать.

– Лучшая девчонка, правая ручонка – в голос орут парни, падая под скамейки.

Вторая санитарка, с громадными руками серийного психопата-убийцы. «Да с такими руками только леса рубить» – думал, глядя на неё. После её ночных приходов, я не спал до утра, ибо она всаживала, уколы будь здоров. Один раз я почти заорал на всю палату. Эта тётя, в темноте, зафигачила своими базуками прямо в мышцу. Я, чуть не заорав от боли, случайно заехал ей пяткой в живот. Протяжно взыв, тётка отшатнулась к стене. Отдышавшись, она глянула в мою

сторону. Своими рубанками, она запросто могла переломать мне шею в пяти местах, ни разу не моргнув. «Ну, вот и всё, – подумал я. Укусы комариков». Извинившись перед ней, тётя хлопнула дверью.

К концу первой недели, в нашей палате стало свободнее. Контрабасов выписали. Заселили троих срочников. Одного я точно запомнил. Паша. Родом из Симферополя, служил в Севастополе. Когда он вошёл, я подумал, что ему нехило прилетело ногами по лицу. Не думал, не гадал, что конъюнктивит может выглядеть таким образом. Паша вошёл в палату вместе с каким-то контрабасом. Он еле стоял. Лица трудно было разобрать. Опухшие, красные глаза выглядели, будто он с детства открывал ими стеклянные бутылки. Затем, последний ушёл передавать его карточку с личным делом.

– Приветствую, парни. Не бойтесь, я не заразный. Конъюнктивит не передаётся.

– Чё произошло-то с тобой?

– Конъюнктивит, говорю же. Где тут свободная кровать?

– А чего так сильно запустил его? – узнаю я.

– Долго не отпускали потому что. Я в таком состоянии ещё и на тумбе стоял. Думал, кончусь.

– А чего не отпускали-то?

– Мужики, устал я. Рубит меня. Поспать надо. Позже расскажу.

Следующим утром, позавтракав, собравшись всей бандой на террасе, впитывали Пашины рассказы. Он говорил гром-

ко и много матерился. Весь этаж подтянулся послушать его историю.

– Да в нашей части одна рабочка. Причём никто толком не работает. Кто в калитку загасился, кто по нарядам шкерится. Контрабасы все по путёвкам разъехались.

– Та это усё не только у тоби, брат. У нас уот, та же клоака, брат.

– Условия ущербные просто. Ни помыться толком. Даже руки, сука, вымыть негде. Потом что воды нет в части, – резюмирует он.

Пашка сплёвывает в банку с окурками и достаёт новую сигарету, передавая пачку по кругу.

– Ещё к полевому выезду готовимся. Тот ещё аттракцион. Командир полка, мудозвон недоношенный, орёт, как глухонемой. Ему вообще фиолетово, кто, как и где. Нужно втухать и всё. Паскуда редкостная.

– Чё, там, кстати, по полигонам? Сказали куда? – встречает кто-то из парней.

– Без понятия. Одни говорят, что в сторону Астрахани, другие говорят, на местный поедем.

– А по времени тоже не знаешь?

– Не-а. И все так же говорят по-разному. То на два месяца, то на четыре. Без понятия.

– Если на четыре ехать в эту пустыню. Прямо там и подохнешь.

– Да даже если и на два туда ехать. Условия там кончен-

ные. Мало того, что сейчас сезон начинается с жарой этой, так ещё и живность там всякая сплошь и рядом.

– В Крыму-то еще нормальный полигон. Вот в сторону Астрахани – это дебри те ещё.

– Ага, слышал, – подхватывает третий. У меня товарищ в тех краях служил. – Рассказывал жуть всякую про этот полигон. Они, правда, зимой гоняли.

– Мужики, да чего вы как бабы? Гадаете здесь сидите. Куда скажут – туда и поедем. От нас ничего не зависит, – начинает Пашка.

– Правильно, потому что срочников за людей-то не держат, суки.

– А ты в сказку попал что ли? – начинает он. – Давно понятно, что к срочникам скотское отношение. Так, расходный материал.

До обеда оставалось около полутора часа. Встав, Пашка ушёл в палату. Зайдя внутрь, он приподнял локоть, прикрывающий его лицо, и посмотрел на меня.

– Слушай, Паш, можешь ещё что-нибудь рассказать про полигоны? Про службу? – сев на свою кровать начал я.

– Звать как тебя?

– Рафаэль, – пожимаю ему руку.

– Охренеть. Серьёзно? – привстаёт он.

– Ага.

– В честь кого такое имя?

– Говорят, в честь черепашки-ниндзя.

- Прикольно – ржёт Пашка. – И как? Остальные верят?
- И, да и нет. По-разному.
- Понятно. Сколько до дома?
- Давай не о плохом. Трёхзначное число, это точно.
- Ого! Да ты, ни отслужив, ни дня, сразу в калитку попал, – ржёт он. – Отлично служба началась, да?
- Ага. Шедеврально.
- А куда определили? В какую часть?
- Спроси, чего по проще, а?
- Мдэ-э-э. Карточку помнишь свою? В ней ещё капдва ка-
рябал что-то в конце ВВК.
- Помню.
- Что на ней написано было?
- Этого не помню. Какая-то закорючка была... Что-то тупа цифры.
- Правильно. Цифра. Не разберёшь вообще. Главное – лишь бы не цифра «девять».
- Почему?
- Это моя часть потому что. Фу, как вспоминаю, жуть как коробит. Зенитно-ракетный полк.
- Чего, совсем шляпа там?
- Полнейшая. Врагу не пожелал бы там оказаться. Сейчас ещё эти военно-полевые учения...
- Слышал о них. Что там конкретно-то происходит?
- На самих учениях? Да ничего особенного. Тупорылые задачи, наряды и прочая мутотень. Бригады, дивизии, полки

– всех выгоняют в голое поле. То ли дело сборы...

– А что на сборах?

– Бегают как ссанные веники. Делают что-то. Выделяют людей, в основном срочников, на лютые работы. Ящики с боеприпасами, оружие, палатки, какие-то, бочки, цистерны, провизию. Мы недавно даже костыли с гробами загружали в КАМАЗы. Для чего там костыли? Военные...

– Гробы и костыли?

– Таки точно.

– Весело.

– Конечно. Особенно, в дни чёрной работки. Устаёшь как тварь дикая. Потом приходишь с работки, а тебя в наряд вечером поставили. Времени на отдых и привести себя в порядок, конечно же, нет. Потом, огребаешь люлей от старшины за нечищенные берцы и чмошный вид. Весело, да? А к слову о полевом выходе, то меня туда никак не тянет. Абсолютно. Поэтому-то в калитке все и отсиживаются... Но я сюда загремел не поэтому. Уже просто не мог ходить в таком состоянии.

– Как вышло так?

– Была одна работка. Нас, после завтрака, отправили на склад ГСМ, из старых досок гвозди вытаскивать. И не просто, сука, вытаскивать, а ещё и выпрямлять их и заново забивать в другие бруски. Жара стояла – долбануться можно. Потеешь, как чмо. Литрами стекает этот пот. Попадает в глаза. Щиплет, сучара, невыносимо. Приходилось грязными рука-

ми вытирать. Потом, по утрам, глаза чуть начала застилать пелена. Я даже как-то на зарядке утром, чуть лицом в плац не нырнул, когда споткнулся. Какое-то время, мы так же ходили на ебашки. Иногда вкалывали по ночам. Затем, всё это дело усилилось. Глаза покраснели и начали щипать. Поначалу терпимо. Так и появился конъюнктивит. Меня даже в санчасть не пускали. В один день старшина поставил на тумбу дневалить. Уже в ночь, я подошёл к дежурному по роте и сказал, мол, плохо меня. Тот доложил нашему подполку. И то, этот так же не хотел отправлять в часть. Всё орал типа «да они все симулянты, пусть служат». Ладно, хоть сержант нормальный оказался. Наморщил санитаров и забрали меня.

Делая выводы, я молча представлял себе картину.

– А там чего ещё твориться, помимо прочего?

– Да дичь всякая. Основной минус – никаких условий. Можешь не мыться неделями, потому что воду не привезут на батальон. Ходить в полном зашкваре, воняя при этом как чмо болотное, потому что опять-таки нет воды. Жрать всякое, что приготовят там, на полевой кухне (далее – КП). Короче говоря, картина, следующая: все живут на огромном пустыре, в палатках. Палатки будут располагаться примерно так: первая палатка – командование. Комбат, батяня, батяня, комбат, начальник штаба (далее – начштаб), заместитель по техническому вооружению (далее – зампотех) и прочие офицеры. Во второй палатке будут отовариваться прапора. Старшины и сержантский состав, в основном. Третья палат-

ка, из которой будет валить фан с перегаром и прочие звуки из мира животных. Контрабасы. Не перепутаешь. Ну, и последний барак – срочники. Если повезёт – будете отдельно от контрактников. Но если бы у бабки был член, то она была бы дедкой, сечёшь, да? – смеётся Пашка.

– Ага, секу.

– Ну, собственно и всё на этом. Ко всему этому, следует добавить остальную хрень, обычно происходящую на таких мероприятиях. И вся эта пьеса растягивается месяца на два с половиной, не забывай. И это, я чего тебе ещё сказать-то хочу. Особо не торопись выписываться, ибо служить тебе ещё будь здоров. Я сам-то служу не сильно много. Полтора-два месяца. Но за этот срок всё надоедать начинает. Пока здесь отлёживаешься – отдыхай, спи, ешь, делай что хочешь. Я не говорю, чтобы ты гасился по-чёрному. Нет. В части такого не будет, понимаешь? Рабочка, наряды, беготня, неразбериха всякая и несправедливость со стороны офицеров и прапоров – это да, за милую душу. Поэтому кайфуй, раз возможность есть.

– А слушай, Паш, ещё вопрос. Что там с дедовщиной? Осталась или так?

– Да ну, брось ты. Какая ещё дедовщина? Как таковой, её давно нет. Отголоски, правда, остались. Но это так, не серьёзно всё.

– Ну, я узнаю, так, на всякий, сам понимаешь...

– Понимаю. Армия не Красная, да и мы уже давно не при

Союзе живём. Власть другая, как и сама армия, понял, да?

– Ага.

– Когда полуостров вновь отошёл к России, начались министерские проверки и остальное мозгоедство. Проверки, как правило, были внеплановые и затяжные. Вышестоящее руководство имели во все щели. Не вынимая. Волна увольнений. Сокращение частей. Короче, порядок здесь наводили. Так дедовщину и пресекли. Сейчас же, в случае чего, все разом стучат в Комитет солдатских матерей. А уже следом – гауптвахта (далее – губа) и дисциплинарный батальон (далее – дисбат или дизель). Да, и говоря по чесноку, этот комитет не особо-то и работает. Для вида и порядку. Хрень, в общем. Раньше по-другому было. Но раньше – это раньше. Совет тебе ещё один дам: остерегайся дэбилов. Серьёзно. Сделай это своим жизненным кредо. Точно не знаю, куда тебя точно определяют, а может, уже определили. Но знаю точно – там дэбилы наверняка есть. Как и везде, в прочем. Главное – не отупеть в конец и стать одним из них. Это там практикуется, будь уверен. А чтоб не стать деревянным в край, постоянно занимай себя чем-нибудь. Я серьёзно. Не успеешь понять, как спустя полгода и двух слов без мата связать не сможешь. Замаячили дегенераты на горизонте – отстраняйся. Спорить с ними – себе дороже. Объяснять и доказывать им что-то – бесполезное дело. Не имей с ними никаких дел и всё путём будет. Поэтому, постоянно анализируй всё происходящее вокруг, думай своей головой, не слушай никого,

но местами прислушивайся и будь начеку.

Chapter Five.

Пот, литрами стекая со лба, неприятно жжёт глаза. Снова автобус. Снова жара. Подъём, спуск. Спуск, подъём. В окне маячит крымский пейзаж гор и лесополосы. Салон кишит гражданскими. Вытирая очередные пару литров пота о рукав кителя, всматриваюсь в спокойно спящие физиономии. В самом углу, отмечаю достаточно любвеобильную парочку голубков, очень нежно лобызающие друг друга. Причём поцелуи больше походят на пошлую прелюдию к фильмам для взрослых. Нежность сменяется остервененной долбёжкой дёснами. «Непристойная жара так и норовит хорошенько проблеваться, как они ещё целуются?» Думая про это, обеденные котлеты госпиталя просятся наружу. Старшина 1 статьи (далее – сержант), забравший меня из госпиталя, так же давил вместе с основной массой. Перевожу взгляд снова в окно. Не до сна было только двум. Водителю и мне.

Очнувшись, в окне увидел синюю табличку «Бахчисарай». Сгустки тёмного дыма поднимались, плотно окутывая стоячий автобус. Запыхавшийся водила, матерясь, периодически забегая в салон, названивал кому-то по телефону. Заскочив очередной раз, взяв канистру с тосолом, он скрылся за капотом автобуса. Пассажиры дружно устроили массовый перекур, ожидая отправки автобуса. Вдыхая душный воздух, заметил своего сержанта. Он, прикуриваясь, стоял чуть по-

одадь остальных, шурясь от солнца. На вид ему не больше тридцати. Не найдя свою зажигалку, попытался стрельнуть её у молодого капрала.

– Товарищ старшина первой статьи! Разрешите обратиться!

– Попробуй.

– Разрешите взять у вас зажигалку?

– А своя где?

– Потерял.

– Потерял?

– Да... Так точно!

– Значит, запоминай, матрос... Фамилия?

– Матрос Рахимов.

– В армии нет такого «потерял» или «спиздили». Есть «про#б@л» и точка. Запоминай, Рахимов.

– Так точно.

Старшина, выдыхая клубы дыма, коситься на меня. Я на него. И снова он на меня. До меня доходит.

– Товарищ старшина первой статьи, разрешите обратиться!

– Валяй.

– Разрешите взять у вас зажигалку?

– А своя где?

– Про#б@л.

– Держи.

– Спасибо, товарищ старшина первой статьи.

– Слушай, да не старшина я. Сержант.

– Принял, товарищ сержант.

– Слышишь, а ты не татарин часом, а, Рахимов?

– Только по праздникам.

– По праздникам? – ржёт тот.

– Так точно, – улыбаюсь я.

– Откуда сам? Местный?

– Из Татарстана.

– Татарстан, Татарстан.... А, Казань?

– Ага.

– Помню, помню. Был у нас как-то в бригаде татарский призыв. Нормальные парни. В этом году тоже набрали пару десятков. В мою батарею парочку попали. Сегодня в бригаде познакомишься с земляками. Чего-то ты рановато в калитку-то загремел. Гаситься любишь, да?

– Никак нет, товарищ сержант. Оттёк стопы был. Прямо с распределителя забрали.

– Да хрень – это всё. Акклиматизация обычная. Через пару месяцев привыкнешь к климату.

Симферополь представлял собой самый обыкновенный город. В сравнении с Севастополем, климат которого хоть немного разбавляло море, столица была, мягко говоря, с душком. Добравшись до выезда из города, сделали пересадку на троллейбус. Проехав по Ялтинскому шоссе, добрались до части, которая изначально, почему-то, показалась мне стройбатом.

Некоторый периметр в/ч, в местах, где должен стоять забор, был полностью перекопан. Экскаваторы, бетономешалки, подъёмные краны всю гудели. Стройка шла полным ходом. Нас встретил суточный наряд. Минуя КПП, замечаю трёхэтажные казармы, гладко застеленный асфальтом плац, по которому, вычеканивая шаги, маршировала коробка чёрных беретов. Кругом горы, горы, горы. Поняв, что Господь на моей стороне, свободно выдыхая, бреду за сержантом. Снова заходим в санчасть. Капрал сдаёт мои документы в регистратуру и выходит, подмигивая мне напоследок. Из кабинета дежурного фельдшера доносится моя фамилия, год рождения и категория годности. Прислушиваюсь. Телефонный разговор. Фельдшер переспрашивает ещё раз. Затем, она чётко вычеканивает всего три буквы. Три буквы, аббревиатуру которой мы с ребятами позже будем коверкать, как только возможно. Три буквы, которые я буду помнить ещё долго. Три буквы, от которых, меня и по сей день нехило так трясёт. Батальон Материального Обеспечения.

Полигон – единственный период службы, ярко отпечатавшийся в памяти. Военно-полевые учения растянулись на два месяца. Всё, как предсказывал Пашка. По задумке, учения были плановыми, протекающие в жёстких условиях якобы «реального» военного положения. И, конечно же, показательными. Но из реального, были только военно-полевые условия.

Наш татаро-монгольский призыв получился поздним. На момент отправки, на полигон, календарь показывал двадцать девятое июля. Получили казённые вещмешки, котелки, ложки. Парадную форму сдали старшине в каптёрку. Колонной КАМАЗов отправили следом за нашим батальоном. В пятичасовом пути ощутил весь комфорт кузова родного автопрома. Пару остановок спустя, размяв булки, прикупили сигарет и прочих гражданских радостей, двинули дальше. Кое-кто из парней взял пивчанского, дабы помянуть былую гражданку. Но кузов КАМАЗа этого не оценил. К обеду духота начала потихоньку наступать. Кого-то всё-таки настигла. Парни, плотно сидящие рядом друг с другом падали без сознания. Поливали им на лица тёплое пиво и остатки воды, раздавая при этом звучные лещи.

Проезжали Ялту. Проезжали Алушту. Море, розовый закат и полные пляжи пекущихся булочек. Кто-то из парней отчаянно орал, что готов уже хоть на бабушку запрыгнуть. Девчонки, слыша наши обезьяньи вопли, оборачивались и махали нам в след, шлёпая себя по попкам. Так близко и так далеко.

Находясь на территории полигона, проезжая выше над капонирами, наблюдали целые городки, выстроенные из палаток. Весь округ собрался на учения. Гигантский масштаб. Отдельные бригады. Пехота, береговая оборона, десантура, штурмовики, сапёры, инженеры, разведка. Все. Построение по прибытию. Деление по батальонам и отдельным ротам. За

каждой коробкой приходили старшие.

Стоя во второй шеренге, краем глаза замечаю калчера в тельняшке. Он, судя по всему, на жёстком автопилоте, подгребаёт к нашей банде. Пошатываясь, отхаркнув себе на левый берег и смачно сморкнувшись себе в щёку, остановился и уставился в нашу сторону. Загружался, видимо. Затем, пощурившись на солнце, похлопав свой пузень, начал бубнеть что-то поднос. Старший сержант Мендадиев. По национальности и вони – узбек. Когда он начинал кашлять, мне казалось, что где-то по тревоге заводится целая колонна БТР-80. Бритая голова напоминала, дряблую жопу старой овчарки. Несмотря на его национальность, пловом от него и не пахло. Позже, наблюдая его алкогольную дезориентацию, прозвали его Менделеев. Без каких-либо оскорблений к Дмитрию Ивановичу.

– Вы ещё кто такие, мать вашу? – спрашивает Менделеев.

– Батальон материального обеспечения, – выкрикивает Женья Иванкин.

– Кто? – не врубается тот.

– БМО мы, товарищ старший сержант, – отвечает Никита Абрамов.

– Вы хоть знаете, как переводится эти знаменательные три буквы, а, опарыши?

– Батальон материального обеспечения.

– Ага. Вы – Батальон Министерства Обороны – ехидно ржёт узбек. – Давай там, нале-е-ев-о-о! Ша-а-го-ом, м-а-

арш!

Первые двое суток адаптировались. На третьи сутки при-
были пару КАМАЗов с боеприпасами и новой для нас фор-
мой. Специальная. Полевая. Уникальная. Розовая. Ориги-
нальное названия «сирийка» или «песчанка». Армейское
название «поросычья вагина». Дополнительно к комплекту
шла панاما и шорты. Берцы песчаного цвета. Не слишком
плотный состав ткани позволял коже дышать. По жизнестой-
кости – полной шлак. Размер формы был практически оди-
наковым для всех. На ком-то футболки превращались в то-
пики, с выглядывающими пупками, брюки превращались в
шорты, а последние в трусы.

В период адаптации, незаметно знакомясь с ближайшим
окружением, на очередь подходили прапора. Два старших
прапора. Бушкович и Колесников. Они постоянно находи-
лись рядом друг с другом. Если хочешь найти Бушковича –
ищи Колесникова. И наоборот. Сид и Нэнси. Бони и Клайд.
Пятка и грибок. Сифилис и гонорея. Бесконечно подкалы-
вали друг друга. По рассказам нашего старшины, во времена
срочки этих двух, кто-то у кого-то был дедом. Эти персона-
жи, как раз-таки и были из разряда тех самых персонажей,
за кем мы бегали с блокнотами, записывая их афоризмы и
высказывания, которые я запомнил на всю жизнь.

«– Заводят член за щеку, а двигатель запускают».

«— Солдат без бирки, что манда без дырки!»

«— Лучше не добздеть, чем перебздеть».

«— Мы люди военные, по пояс деревянные».

«— Если отдых, то активный, если праздник, то спортивный».

«— Спасибо армии родной, мандой накрылся выходной».

«— Всем стоять! И сиськи на бок!»

«— Товарищ старшина, можно...?»

— Можно за хер подержаться.

— Разрешите...

— Разрешаю».

«— Кто в армии был, тот в цирке не смеётся».

«— Товарищ старшина, а что такое ПХД?

— П#зд@ц Хорошему Дню».

«— Дырка и водка и не такие топила корабли».

«— Виноват, исправлюсь, товарищ старший прапорщик!

– Виноват военкомат, мабута полосатая!»

«– Товарищ старший прапорщик, разрешите обратиться!

– Я, товарищ старший прапорщик, разрешаю тебе обра-

титься».

«– Товарищ старший прапорщик, разрешите обратиться!

– Разрешаю обоссаться».

«– Товарищ старший прапорщик, разрешите перед работами перекурить на месте?

– Разрешаю курить и ишачить на месте!»

«– Вызывали, товарищ старший прапорщик?

– Вызывал, Рахимов, вызвал. Сколько, говоришь, тебе до дембеля?

– Примерно сто шестьдесят дней, товарищ старший прапорщик.

– Упор лёжа принять.

– За что, товарищ старшина?

– А?

– Есть. Так точно. Сколько раз, примерно?

– Ну, примерно, до дембеля, Рахимов».

Старший офицерский состав любили захаживать к нам в расположение, подрючить наших прапоров. Последние, как

правило, бегали как ссанные веники. Как-то к нам заглянул начальник продовольственной службы. Майор Каноненко. Для парней – майор Гандоненько.

– Дежурный по батальону, на выход!

– Отставить.

– Отставить!

– Позови-ка мне сюда Бушковича. А лучше Колесникова – говорит майор.

– Старший прапорщик, Колесников, на выход!

В каптёрке в этот момент, обычно раздавался какой-нибудь непонятный звук, со словами «паскудство, что вам всем надо, падлы».

– На какой ещё «выход», дневальный? Я что, сидел, по-твоему? А? Чалился, прапор, да?

– Товарищ старший прапорщик, вас вызывает товарищ майор.

– Какой ещё такой товарищ майор?

– Каноненко.

Вылетает старшина. Три строевых. Рука к черепу. Далее, как правило, следовал разбор полётов.

– Товарищи майор, старший прапорщик...

Служил у нас в батальоне Миша Ткаченков. Вечно залетал. Вечно потерянный. Вечно запуганный. Вечно стучал. К нам он попал, можно сказать, по воле случая. Но я в это не верил. Отличительной чертой была его лихорадочная поход-

ка. Задняя часть оттопырена назад. Туловище вперёд.

Воскресенье. По-тихому, втыкая на тумбе в телефоне, в расположение врывается Колесник.

– Дежурный по батальону на выход!

– Отставить. Не всрался мне твой дежурный.

– Отставить!

– Ахтунг, Рахимов! Давай, строй на взлётке этих полупокеров. Капут вам всем. Через пять минут доложишь мне, понял?

– Так точно, товарищ старшина. По какой форме?

– А ты угадай?

– Есть, принял.

– Что, уже угадал?

– Так точно, товарищ старшина.

– По какой же?

– По военной, товарищ старшина.

– Да ладно?

– Так точно, товарищ старшина.

– А ты смышлённый, Рахимов.

– Товарищ старшина, форма одежды № 4?

– Форма одежды № 264. Понял?

– Так точно, товарищ старшина.

Парни построились. Доложил. Через десять минут, из ленкомнаты, вываливается Колесников. Пересчитывает бойцов.

– Рахимов!

– Я!

– Знаю, что ты. Кого, мать вашу, не хватает в этом припадочном отряде?

– Все, вроде, товарищ старшина.

– Вроде. Вот ты, вроде, не дебил. Видимо, погорячился я с выводами. Так кого не хватает?

– Не могу знать, товарищ старшина.

– Не хватает петушары одного... Э-э, орла вернее. Одного, орла.

Тишину прерывает скрип двери кубрика. Неуклюжие шлёпанья тапок. Ближе. Совсем близко. На взлётку выбегает Миша.

– Товарищ старшина, разрешите встать в строй?

– Миша, где ты был?

– Когда?

– Когда тебя не было, Миша.

– В кубрике.

– А чего же ты там мандражируешь, когда вся рота здесь варикоз зарабатывает?

– Товарищ старшина, я...

– Да срал я, старшина. Ну, чего докопался-то? Да, Миша?

– Никак нет. Я...

– У тебя в ушах ничего не застряло? Писюн, например?

– Никак нет, товарищ старшина.

– Писю, может, лимонил?

– Никак нет, товарищ старшина.

- Что, дуньку кулакову гонял?
- Никак нет, товарищ старшина.
- В потолок стрелял?
- Из чего, товарищ старшина?
- Из дуньки своей. Стрелял?
- Никак нет, товарищ старшина.
- А зря вот. Вся армия стреляет. А ты вот нет.

Первое, чем можно было заняться на полигоне – подойти от жары. Скрыться от неё было невозможно. Температура в тени достигала больше сорока градусов. Второе – живность. Мокрицы, красные муравьи, размером с подушечку указательного пальца, бешеные мухи, которые обычно сидят на какахах, сколопендры, гадюки, каракурты, летучие мыши, скорпионы и аргиопы. Двух последних не встречал.

С мокрицами мы ночевали первый месяц. Эти гадины любят влажность. Выползают с наступлением темноты. Заходишь в палатку, расстилаешь шконку, а тебя уже ждёт целый рой. Первое время, не мог спать, ибо эти твари ползали по мне, залезая во все щели. Как-то проснулся посреди ночи. Дико хотел в туалет. Вставать было лень. Думал, что смогу дотерпеть до утра. Чувствую движения в районе колени. Затем в подмышках. После они уже ползали по мочке уха. Вскрываю, в припадке оттряхивая ухо, и в поле. После привыкаешь к ним, подгребая к себе, желаешь им спокойной ночи. В конечном итоге жара полностью выжила их.

Стоя в очереди, под берец начала оживлённо забуриваться усатая, длинная хрень. Подняв берец, наблюдал подобие неадекватной сороконожки, которая быстро извивалась к правому берцу. Сколопендра. Продолговатое тело этой паскуды, покрыто прочным панцирем, поэтому с первого раза прикончить её мало когда получилось. Прокусывать она могла даже через одежду. От укуса сколопендры резко поднималась температура. Оставался ожог. Тошнота и головокружение. Парни из инженерной роты устраивали целые охоты на них. Гоняли их вокруг палаток, с сапёрными лопатками. Но и лопата с первого раза не могла перерубить броню. А когда этих сучар всё-таки перерубали, то голова всегда искала жопу. Живучие, как прапора.

Сколопендры очень мотивируют бегать. Очень быстро. Лучше любой собаки. Из-за жары, нам, какое-то время, разрешили переобуться в тапки. Отправились мы как-то с товарищем в поле. По большому делу. Заняли позиции. Никита Абрамов. Земляк. Наше братание, зародившееся на учениях, тесно сплотило нас, в последующем укрепив совместный армейский быт до конца службы.

- Откуда вы вылезли, суки? – слышу Никиту.
- Никит, ты чего там, с какашками разговариваешь?
- Умрите, мрази, умрите!
- Никитос?

Он резко встаёт, еле успевая натянуть труселя, капитулирует в сторону расположения с криками «сколопендры,

Раф». Я тогда тоже уложился в рекордное время. Примерно тридцать секунд.

Если от укуса сколопендры оставался всего лишь ожог, то от каракуртов и гадюк, ты мог спокойно сложить полномочия. В нашей санчасти тебя бы не спасли, а наоборот. До Федосии километров двести. Тебя просто не успели бы довезти. Да никто бы и не стал. Со временем, к мокрицам добавились гадюки, которые отоваривались в нашей палатке под поддонами. Они очковали, также как и мы. В атаку первыми не шли. Выжидали.

Распорядок дня на время учений, мало чем отличался от штатного расписания любой в/ч. И всё же было одно отличие. Подъём в полпятого утра. Иногда сержанты, проявляя особую чуткость и понимание, подрывали в четыре. С непривычки это сильно коробило. Местами морально уничтожало. После бодрого подрыва, и очередного построения, мы, как варёное говно, бежали до конца полигона, с каменным маяком в штанах, ибо на «утренний туалет» времени не было. Кто успевал, мочился в кустики. Кто нет, нёс бремя с собой все шесть километров. Добегая до конца, разворачиваясь, неслись обратно на утреннее построение.

Построения.

Построения в ВС РФ – одно из любимейших занятий, а также пыток и издевательств, которые только мог придумать

человек и которые, я так же своевременно связал на заметку. Испанская инквизиция – ничто, по сравнению с армейскими построениями. Говоря откровенно, в армии есть три любимых занятия.

Ходить.

Неважно куда и как далеко, неважно для чего. Просто ходить. Согласно Уставу Внутренней Службы ВС РФ, основным и главным передвижением личного состава бригады дивизии, дивизиона, батареи, батальона, роты, отделений и отдельных взводов (необходимое подчеркнуть) осуществляется непосредственно строем со счетом на левую ногу. При всем при этом, соответственно, должна присутствовать отмашка рук, прямая осанка и взгляд орла, направленный вперед и только вперед. Потому что, так уже повелось, что если ты вдруг повернул свою башню, подсмотреть, как там чешет свои кокушки твой товарищ, то, скорее всего, твоя голова до конца твоих дней будет смотреть именно в данном направлении. Ходить и маршировать можно просто часами, медленно, но уверенно, топча плац стертыми в хлам берцами. Если у дежурного по роте, а это обычно сержантский состав, хорошее настроение или ты просто филонил и спел ротную песню, опаздывая в припеве, после обеда, или еще хуже, дерзанул, мысленно послав его нахер, или банально опоздал в строй, когда все товарищи тебя ждут на улице – жди ходьбы. А именно – строевая подготовка, согласно распорядку внутреннего дня батальона. Это все объясняется простой и вер-

ной поговоркой: «дурачок в роте – вся рота в поте».

Стоять.

Стоять, равно как ходить и маршировать, можно так же до бесконечности. Зачастую, это касается утра понедельника («понедельник не лучший день для солдата, не лучший момент понедельник с утра!» Макс, привет!). А в особенности, это касается различных строевых смотров бригады, в которых присутствуют осмотр внешнего вида военнослужащих, осмотр военно-полевого обмундирования, слушание общей бригадной песни и отдельных батальонов, отдельных рот или же при отработке показательных выступлений тех же самых отдельных рот.

Как и подобает, в то время, пока ты стоишь по стойке «смирно и ноги врозь», шевелиться, чихать, пердеть, источать любые инородные звуки, как правило, не положено. «Встал в строй – как член стой». Вот ты и стоишь так час-два-три, очень внимательно изучая бритый затылок товарища, считая при этом всех вшей на шее, какие только сможешь найти. Как уже упоминалось выше, стоять можно реально до скончания веков и во веки вечные.

Помнится, когда у нашей бригады были очередные военно-полевые учения, (конец июля-середина сентября) мы как-то ждали всей бригадой какого-то генерал-майора и его офицерскую делегацию, которые должны были прибыть на вертолёт. Не помню точно, сколько мы простояли. Парни травили, мол, три часа. В солнечной Республике Крым тогда

была беспощадная жара, настолько дикая, что температура в тени достигала сорока пяти градусов и некоторых ребят такая жарышка сильно подкосила. Кто-то даже рухнул лицом в землю. Навзничь. С тех пор, вплоть до конца службы, ребята именовались «обмороками».

Ждать.

Данная пытка идет в сравнении «вишенка на торте». Это сродни так же, как стоять и ходить, вкупе с дьявольско-вечным ожиданием, которое добавляет без сомнения остроты в финальную категорию армейского бытия. Ждать кого-то, ждать чего-то. Без разницы. Это более ярко проявляется, когда все вышеперечисленные «ходить» и «стоять» были выполнены вплоть до такого состояния, будто у тебя начинаются месячные, и ты начинаешь кровоточить не раз в месяц, как среднестатистическая женщина, а каждые полчаса, как любой типичный военнотрудовой.

Не обоснованные припадки агрессии к окружающим. Ведешь себя, как блохастый, глухой, старый и вечно задолбанный пёс, которому постоянно бьют в бок тупым предметом, запрещают где попало ссать, и трахать чужих сучек. Постепенно начинают проявляться первые истеричные припадки и прочие симптомы нервных атак на твой, как ни странно, рано стареющий организм и психологически не устойчивую молодую психику. Процесс вселенской апатии к внешнему миру и прочие асоциальные замашки психопата-одиночки.

Со временем, а этого не миновать никак, у тебя начина-

ет вырабатываться иммунитет на происходящий вокруг тебя армогедонный коллапс. Процесс армейской реабилитации протекает весьма успешно, что впоследствии, входит в привычку и норму армейского бытия. К слову об «иммунитете». Он и вправду вырабатывается в прямом и переносном. Иммунитет на ситуации и окружение. Иммунитет на крошечную антисанитарию и прочие маргинально-колхозные устои местной культуры и традиций.

Полевые наряды – второй армейский пункт, знакомство с которым мы столкнулись быстро и уверенно. Ввиду компетентных задач, и учитывая настоящую дислокацию, наш тыловой батальон ограничивался нарядами по роте, нарядом по кухне и полевым караулом. В караул, как правило, срочная служба априори не могла заступать. Чего нельзя было сказать о нашем батальоне. «Что не положено – на то хер положено» – гавкал Менделеев.

Место несения караула, представляло собой квадрат, сконструированный из бетонных свай, обтянутый колючей проволокой. Внутри находился КАМАЗ, битком гружённый оружием и боеприпасами. Войти и выйти – только через центральные ворота, располагавшиеся с торца. И только с последующей сменой дневальный и на приёмы пищи. Вверху каждого угла висело по одному прожектору, слепившие очень хорошо. Настолько хорошо, что с наступлением темноты и вплоть до глубокой ночи, ничего за пределами колючего

квадрата не было видно. Специфическая особенность полевого караула заключалась в его не предсказуемости. Особенно по ночам, когда ты, спавший три-четыре часа в сутках, в состоянии варёного говна, идёшь на заход по периметру в семидесятый раз. И где-то гадюка беспощадно душит чайку, отчаянно кричащую из кустов. Сон быстро покидает тебя. Перекидываешь через плечо ремень и быстро нащупываешь старушку АКС-74У. Говоря откровенно, при хроническом недосыпе, сопровождающий тебя на весь период службы, заступать в караул не выспавшимся – так себе затея. Помню свои хронические состояния недосыпа, настолько сильно изматывающего, что иногда, обходя квадрат в очередной раз, смотря себе под ноги, мне мерещились какие-то непонятные шланги под ногами. Или змеи. Кругом чёрное пространство. Ни единой души. Только ты и галлюцинации.

Наряд по кухне казался мне куда веселее. Время шло стремительно быстро. Бойцы, заступавшие в наряд по кухне, освобождались от утренних скачек с каменной эрекцией, потому что с самого с ранья, отправлялись на ПХД (в значении Пункт Хозяйственного Довольствия). Дежурный по роте назначал старшего нашего конвоя, обычно кого-то из нас, и отправлял на вольные хлеба. По пути, успев пару раз перекурить, прибыв на место, в палатке, оборудованную под посуду и моечный инвентарь, успевали посмаковать пару кружек подобия кофе, вкус которого сильно напоминал консистенцию из серии «пей чё дали». Затем, как по часам, в на-

ше убежище захаживал старший прапорщик Петровчук, на предмет которого и пойдёт дальнейшая присказка.

Беспардонно прерывая наш утренний кофе-брейк, Петровчук стремительно начинал наводить панику о сегодняшней работе, подбивая бойцов на разные тупорылые задачи. Петровчук являлся олицетворением прожжённого хохла украинца. Это я понял по его хитрожопой физиономии и паталогическому скупердяйству. Тараторил он быстро и неразборчиво, выделяя при этом большое количество слюны, стекавшая по уголкам рта, которую он тут же пытался шустро вобрать в полость. Разогреваясь по ходу пьесы, прапор вытаскивал нас из палатки на построение. Хвала Господу он их проводил не больше десяти минут. Быстро нарезав задачи, хохлина старшина тут же скрывался из виду, и только изредка, в разгар приёма пищи, когда мы не успевали в армейских заминках, появлялся, производя вид мнимого командира.

Над полигоном не опять, но снова, начинался южный рассвет, тонко намекавший, что солнце ещё долго пробудет в зените, поэтому работайте, негры. Изучая берцы на построении, пряча глаза под козырьком кепки, выслушивая неразборчивый трёп старшины, чертовски потянуло домой. Тоска по Отчизне возникла спонтанно и очень некстати. Воспоминания о родительском доме, в город, куда моя семья переехала, будучи я ещё гормональным подростком, дали нехилый толчок для продолжительного погружения внутрь своей чёрной душонки.

Мысленно телепортируясь далеко назад, начинал задумываться о намерении послушать военкома, затащившего меня в ряды ВС РФ. Генерируя идеи, начинал прокручивать различные варианты развития дальнейших событий, откосявив я от службы. Поступление в магистратуру, поиск работы по специальности, где я не нашёл бы ничего толкового, кроме как быть на подвязках у разжиревшего зануды нотариуса, получая сущие копейки, ночуя в офисе. Попытки налаживания самостоятельного быта в далёкой недоступности от родственников, не исключая всяческие попытки наседать на меня различными тёплыми и дотошными наставлениями с их стороны. Выстраивание, какой-никакой личной жизнью, ограниченность которой, я полностью уверен, чередовались бы полуночными связи-однодневками. Несмотря на все издержки гражданской жизни, вырисовывавшиеся предо мной, перспектива казалась мне не такой уж и размытой. Вместо той, какую я имею сейчас, слушая неразборчивые вопли этого хохла, будто находясь в закипающем котле от злобы внутри себя. В любом случае, догадки и вариации, рисовавшиеся в моей припечённой голове, были очень не точными и все неизвестные мне обстоятельства могли сложиться далеко не так. Ожидание и реальность находятся по разные стороны баррикад, что вполне справедливо. Обвинять и корить в чём-то я мог только человека в зеркале, ибо конечное решение всегда оставалось за ним.

Перекуривая за палаткой, скрываясь в очередной раз от

пекла, парни делились всеми теми планами, намеченные после годовичного курорта и просто трепались ни о чём. Не заметив уверенной походки нашего невнятного надзирателя к нам, пытались быстро пережмнуть за угол. Но понимая, что идея дрянь, затушив бычки, морально приготовились к словесному поносу. Петровчук, разгоня наш консорциум, успел каждому нарезать по задаче, отправляя каждого на запад, восток и юг. Для меня же он подготовил особенное партийное задание.

– Так, пойдём-ка со мной, – давясь слюнями говорит тот. Нужно будет взять ведро с водой, родить тряпку и полернуть машину замполита бригады.

– Чего сделать? – не понимаю я.

– Полернуть. Ну, ё-моё, ты не русский шо ли, а, Рахимов, или как? Помыть, – поясняет он.

– Русский, товарищ старшина, русский. А вы?

– И я русский. А кто ж я, по-твоему? Конечно русский!

«– Я русский! И в Эфиопии никогда не был!

– Русский он. Нам-то не гони! За километр видно, что ты людоедом был!» – всплывает в памяти цитата из к/ф «Жмурки».

– Возьмёшь тряпку и помоешь машину и всё. Сделать только быстро надо. Замполит скоро уезжает.

– Товарищи старшина, не собираюсь я ничью машину мыть, – отрезаю я.

– Как это не будешь? А куда ты нахер денешься-то? – на-

чинает нервничать прапор.

– Почему я должен мыть чью-то машину? Не буду этого делать, – спокойно отвечаю.

– Да вы чего-то слишком рано борзеть начинаете! Не рановато борзееете-то, салаги? Объясни-ка мне, матрос, какого это художника ты не будешь этого делать? – повышает тон.

– Потому что я напрямую подчиняюсь своему командиру роты. Он не ставил мне подобной задачи, товарищ старшина.

Далее, следовали вялые аргументы об иерархии и подчинении, не выполнении приказов и распоряжений, грозившие мне месячную гауптвахту и дисбат, запачканном военном билетом и загаженной характеристикой. Уловив когнитивный диссонанс, привёл свой последний аргумент в нашей перепалке, напрямую ссылаясь на Устав, гласивший о том, что солдаты и матросы срочной службы могут мыть исключительно технику, приравненную к военной, и тут же был послан на детородный мужской орган. Особенно удивил меня тот факт, что когда я спорил с прапором на всё ПХД, неподалёку от нас, у самобытного умывальника, стоял тот самый замполит бригады, подполковник по званию. Десяти метровая доступность упрямых споров более чем были слышны товарищу подполковнику. Учитывая острый слух военных, в частности офицеров бывшей разведки (не верьте мне – бывших разведчиков не бывает), сомнений у меня не оставалось. Подпол, уверенно смотрел в нашу сторону.

Петровчук быстро огляделся, наверняка заметив краем

глаза, что нужный объект прикормлен и сора из избы вынесена окончательно, с ещё большей долей в образе театрала, жестикулировал и прибавлял громкость. Он сказал, что бы я подошёл к подполу и высказал всё то, ранее сказанное мной за палаткой. Я утвердительно отказался. Он настоял, тут же услышав мой отказ повторно, я уже слушал писклявый украинский мат. Почему-то, в то мгновение, я отчётливо понимал: сдать позицию – означает заклеить себя до конца службы офицерской подстилкой. К тому же, ситуация, неумело разыгрываемая очень публично, пахивала откровенным калом. Замполит тем временем, доделав свои дела, без слов, оперативно скрылся в палатке. Писк постепенно стих, и тот, снова послал меня в сторону всех мужских органов. На этот раз далеко и надолго.

По прибытию в расположение меня, ожидал командир роты, на пару с комбатом. Ротный ставил комбату шах. Комбат же громко посылал его матом. Армейские шахматы. Товарищ капитан, выслушал полный доклад. Поморщившись, он громыхнул что-то в духе «разберёмся» и отправил меня в наряд по роте. Новость о случившемся с поносной скоростью облетела весь батальон. После, когда контрактники выпытывали у меня подробности утреннего замеса, поочередно добавляя «правильно всё сделал, нехер чужие тачки намывать», получил небольшую долю оваций, со всеми почестями, сопровождавшиеся глубоким моральным самоудовлетворением. Следующий наряд по кухне грозил мне не

скоро.

В попытках собрать в памяти цельную картину полевых учений, перед глазами всегда отчётливо и без колебаний всплывают отрывки, которые, судя по всему, и были тем чек-пойнтом, путь которого называют «вода, огонь и медные трубы». Вспоминая четыре недели, проведённые в тридцати километрах от расположения нашего батальона, мелькают кадры, где я в засаленной тельняшке, велосипедным насосом нервными и проклинающими рывками, поддаю пару атмосфер в колёса полевой кухни в пять утра. По мере повышения давления, из торца кухни то и дело, будто внутри засел средневековый сильно измотанный дракон, вспыхивают и гаснут не уверенные струйки огня. Вода, в двух передних котлах, предназначенные для первого и второго блюда, отказывается закипать. Парни тем временем, матерясь громко и так же злобно, как я, носятся по всей кухне. После чего, огонь в печи полностью отмирает, говоря нам о том, что завтрак трёмстам голодным ртам сегодня, возможно и не светит. Наша пит-стоп команда начинает разбирать сердцевину печи, доставая и быстро прочищая в хлам раскалённые форсунки тонкой проволокой. В работу подключается наш сержант, контрабасы которого называли Искен.

Искандер олицетворение всех крымских татар в одном флаконе. Крымско-татарская хитрость не уступала моим землякам. Местами даже давала фору. Внешность его мне

больше напоминала тюркскую, с примесью азербайджанца. Жёсткий и справедливый, со своеобразным чувством юмора. Учитывая обозначенные качества в купе, он был настоящей находкой для ВС РФ, чем и являлся большой редкостью. Основной задачей, чётко обозначенной нашим батяней, являлась таковой, что бы другие заблудшие души, вроде нас, на время учений, не померли с голоду. Понятия не имею, каким макаром отбирались кандидаты в повара, но мы под них явно не попадали. Искен это дело быстро исправил. За какую-то неделю-вторую, наша команда, состоящая из двух технарей и двух юристов, варили такие щи-борщи, что любая многодетная мама просто была в ауте. На регулярных приёмах пищи, другие товарищи по оружию, говорили, что нигде, в радиусе тридцати километров, так не кормят. «Парни, круто жрать готовите. Не то, что остальные тыловики. Там такие щи, хоть хер полощи» – говорили мужики. И всегда просили добавки. А всё потому, что Искен по образованию и призванию был поваром. Какое-то время, после его срочной и по-настоящему интересной службы, история за историей от которых кровь прилиwała то вверх, то вниз, на гражданке он успел отработать шеф-поваром. Под гнётом обстоятельств, нам неизвестных, повар-разведчик решил вернуться в родную стезю. 730 дней, проведённые Искандером в разведке, и в самом деле наложили на него неизгладимые отпечатки разведчика. Чего и в самом деле не было страшно делать с Искеном – так это готовить жрать и ходить в разведку.

Четыре недели, проведённые где-то в иссохшем пустыре, я бы с радостью обменял бы на все двенадцать месяцев, проведённые в ВС РФ. За тот промежуток мы с парнями научились гораздо большему и полезному. Начиная от уставной заправки кроватей, напоминающие натянутый барабан, заканчивая экстремальным вождением БТР-80 и ловлей гадюк. Отношения, сложенные между нами и Искеном были простыми. Но уставщину никто не отменял. Принцип не замысловат: мы не огорчаем разведчика – он не карает нас. Без полоскания мозгов и лишних движений. За двадцать восемь дней, наша дислокация менялся три раз. Три раза мы переносили палатку, оборудованную под место приёма пищи для офицеров. Разборка-сборка занимала от часа до трёх. Машина представляла собой охренеть-какое-огромное сооружение. Одни только металлические опоры весили около сотни кило. Вес полной конструкции достигал трёхсот. Учитывая наши уже прославленные кулинарные способности, на помощь всегда приходили сослуживцы из других подразделений. Помимо офицерской палатки, мы пять раз складывали-раскладывали другие палатки: для овощей, консервов, посуды. Наша палатка, предназначенная под место отдыха, меньшая по размерам офицерской, была в три раза меньше и легче.

Последним местом нашей дислокации был очередной пустырь. В отведённом месте был вырыт глубокий капонир, в котором мы приспособили друг за другом две палатки: од-

на большая, где хранилась провизия и посуда, и вторая палатка, где мы, без задних ног, перебивались короткометражным сном. Две палатки спустя, поднявшись выше, находилась кухня, а именно КП. Она представляла собой зелёный мобильный прицеп, два колеса, намертво врытые глубоко в землю для устойчивости, и четырьмя котлами. Первые два – первое и второе блюда, третий – чай, последний для запаса воды, если вдруг её не хватало в ходе готовки. Внизу, почти у основания, были расположены по форсунке, которые забивались от шлака и прочих примесей плохой солярки, после каждого юзанья, для нагревания котлов. Чуть правее стоял прицеп, по размерам намного меньший от КП. Парни прозвали его «ларчиком», но открывался он не просто. На нём всегда висел здоровенный замок, ключи от которого были только у нашего сэнсэя. Он был доверху забит всем тем, от чего мы с парнями настолько одичали, что когда прицеп оставался на какое-то время открытым, мы его по-тихому атаковали.

Сгущёнка, вафли, пряники, печенье, сушки, соки. Впервые, после столь долго отвыкания от гражданки, попробовав сгущёнку, я не мог остановиться. Жадно проглатывая, из всего того, что попадалось из углеводов, я отмечал про себя – я начал дичать. Настолько сильно, что почти двухмесячный перерыв в половой жизни, просто отходил фоном. Сгущёнка, периодически сменяемая всеми видами соков, которые мы только могли поместить в себя, заменяли мне всё.

Конечно, при любом удобном случае, совместить потребление и сжигание углеводов было бы очень не дурным занятием. За неимением первого варианта, мы использовали сладкие дары с полной отдачей. Ещё две недели, пролетевшие, как путана с небоскрёба, сгущёнку я видеть уже не мог. Приелась она с такой же скоростью, как и надоела. Обмозговав с парнями, выявив общие предпринимательские жилки, пустили её в бартерный оборот: взамен на сигареты и прочие бытовые ништяки, которые только можно было добыть за пару банок сгущи. Согласовав, конечно же, эти дела с Искеном. Тот не возражал. С тем условием, что запас оставался в терпимом количестве, в случае внезапной проверки провизии. Плюс его проценты.

Основной проблемой, сильно затрудняющая нам жизнь была дилемма постираться и помыться. Если с бритьём и умыванием сложностей не возникало, со вторым она возникала настолько остро, что одежда, состояние которой уже нельзя было назвать мало-мальски удовлетворительной, напоминала грязные тряпки сирийских беженцев. Гигиена стояла в приоритете всего, учитывая специфические особенности полевого выхода. Подцепить бациллу не составляло никакого труда. Выбор большой. Грибок, зуд, чесотка и сыпь могли развиваться с таким же успехом, как непреодолимая тяга к сгущёнке. Времени на марафет и приведение себя в порядок, конечно же, не оставалось. Стирались по очереди и степени вони каждого из нас. Подмываться приходилось по

ночам, стоя на деревянных поддонах, обливаясь остывшей водой. Так же по очереди. По двое. Первый моется, второй светит фонарём, что б тот с поддона не свалился. Мыться под открытым небом, обдуваемым ветром со всех сторон во все твои отверстия – круто. Бодрит. Свежо. Утром мы вскакивали с кашлем хронического туберкулёзника. Но это всё же лучше, чем вонять как бомж.

Chapter Six.

Время полетело как из гаубичной пушки. Находясь в тумане полнейшего непонимания происходящего, единственное что помню, как мы всей ротой, плотно забив кишечники оливье, до зелёной отрыжки напились местного лимонада. В ленкомнате, под праздный бой курантов, внимали Вову, дружно названивали домой, опьяневшие от счастья, отсчитывая каких-то сто восемьдесят два дня. Ощущение похожее на жидкий стул: только стянул штаны, не успев понять, что произошло, и тут же опорожнился. Так пролетели первые полгода.

Сильно позже, понял, что это была банальная и окончательная адаптация. Туманность проходит так же, как и появляется. Потому что, сам того не замечая, начинаешь отсчитывать дни. Парни сутками напролёт мониторили ДМБ-таймер на телефонах. И так же сутками ныли, понимая, а возможно и не совсем, что табло ещё какое-то время будет показывать трёхзначное число. Меня всё же немного подку-

пало, что двухзначное число хоть немного сбавит накатываемую день за днём грусть-тоску. Самообман вещь плохая. Это я понял, когда осталось ровно сто дней. В конце марта, всё в той же ленкомнате, заслушивали долгожданный приказ. Изначально дошло, что это так не работает. Постоянно грезить о дембеле и родительском доме, накручивая себя неделю за неделей, представлялась мне откровенным идиотизмом. Копнув в кармане, чуть глубже места, где обычно томятся сигареты, отыскал затёртый блокнот, оставшийся ещё с татарского распределителя. Приспособив его под карманный таймер, вычёркивая отжившие месяцы, спрятал его глубоко внутри кителя и старался вспоминать о нём не реже каждого месяца.

Расположение бывшей украинской бригады сплошь окутано горами. Горы на востоке, горы на западе, горы юге. Наблюдая новые казармы, столовую, плац, парк боевой техники, не сложно было представить, какая разруха царила здесь ранее. Часть абсолютно не секретная. Более того, она показательная. Долго не мог понять, что же хуже. И ещё долго не мог понять: для чего формировать её сплошь окутанную горами? Сильно позднее до меня дошло. Лучше секретность, чем рвотная показательность. Благодаря последней, к нам частенько залетали региональные и министерские проверки, оставляя вышестоящее начальство в дикой ярости и порванными анусами. Будь мы секретным разведывательным батальоном, никто бы знать не знал, о нашем существовании. Не

считая публичных масштабов, бригада прославилась легендарным фильмом «Девятая рота», съёмки которой проходили именно в тех горах, которые рисовались зрителю афганскими. Позже, пересматривая ленту, узнал тот самый плац, с которого главные герои отправлялись на границу. Узнал то самое место, где парни чистили картошку, и место ангара, где любили Белоснежку, которого, правда, уже не было.

Горы, на все двенадцать месяцев становятся твоими верными и молчаливыми товарищами. Сильно чувствуется горный воздух. Сильно чувствуются перемены погоды. Находясь в низменности, климат становится бешеным. Зима в Крыму начинается в октябре. Заканчивается в апреле. И по рассказам местных, «снега тут же лет пять, как не было». В декабре же, он посыпал не свойственными югу, огромными хлопьями. Вдали от дома, по снегу скучать не пришлось. Двенадцать месяцев среди гор неплохо так дают о себе знать.

Кубриковская система, активно приобретающая значительный перевес в формировании современных ВС РФ, в сравнении с классическими двухэтажными койками, расположение коей являлась наша казарма, и в которую я не мог до конца въехать по приезду с полей, казалась мне подобием обителем добротного санаторного комплекса престарелых. Кубрик на три человека, с отдельной душевой и антивандальным санузелом. Так прозвали, потому что туалет был железным. На случай, что бы при утренней эрекции ты не смог расколоть его пополам мощной струёй. По крайней мере, так ка-

залось мне. Казарма в три этажа. По этажу на отдельное подразделение. Последний заняли горный батальон. Второй – отдельные инженерно-сапёрная и ремонтная роты. При входе в расположение тумба с погибающим дневальным; сразу за углом налево, пролёт кубриков для контрактников, направо – срочники. Контрабасы, большинство из них входили в автомобильные роты и отделения, не сильно интересовались нашим призывом, что было взаимно. Практически всегда находились по выездным нарядам. В свободное от руля время, прикладывались к бутылке. Пронаблюдав активную алкогольную дезориентацию в ВС РФ, заметил: либо ты законченный синяк, либо спортсмен. Золотая середина отсутствует.

Инициатива всегда виляет инициатором. Это я уяснил сразу. Это касается работницы, стремительно заполонившая современные ВС РФ. Я ни сколько не против физического труда. При условии, что труд несёт хоть какой-либо адекватный посыл. Любая работница зиждется лишь на одном столбе: начинай копать здесь, а я пока узнаю, где нужно копать. Инициатива, граничащая со здравым рассудком – приветствуется. Особенно у прапоров, быть на хорошем счету у которых – неплохая привилегия. В значении «не заниматься очковтирательством». В армии видно всё. В частности прапорщикам, познавшим в нашем брэнном мире много говнеца. Понимание, где я и с кем прохожу службу, дало медленный и

уверенный толчок для дальнейшего абстрагирования от всего ненужного, стремительно окутывающего меня изо дня в день. Касалось это непосредственного окружения, рассказ о котором изложу ниже.

Дегradировать в армии, да что там армии – в жизни – занятие не хитрое. И, тем не менее, за время службы становишься закостенелым. «Мы, люди военные, по пояс деревянные» – любил посмеяться мой старшина. Но никогда не уточнял, с какой именно стороны они там все деревянные. Очевидно, начиная с головы. Окружение на ближайшие три шестьдесят пять дней составили ребята, младше года так на два-три. Максимум на четыре. Не хочу, да и не имею ни какого права говорить о них плохо, но интересы наши ограничивались сугубо низменными человеческими потребностями. В вопросах мировоззрения и прочих ценностей, которые я, впоследствии сильно пересмотрел, мы находились по разным планетам. В батальоне, в дальнейшем ставшим моей приёмной семьёй, оказалось всего три земляка. Этого хватило с головой. Двое, как выяснилось позже, были родом из Казани. Третий из моего города. Мы всегда держались вместе, и по возможности, старались помогать друг другу в армейском пространстве. Наряды, приёмы пищи, совместный быт, общие интересы. К счастью, спали по разным койкам.

«Дурачок в роте – вся рота в поте» – неизменное правило, касательно всего, на протяжении долгоиграющего армейского бытия. С данным правилом номер один, столкнулся на

КМБ, которое, ввиду моего затяжного пребывания в госпитале, продлилось около недели. Уже тогда, температура была достаточной, что бы жарить котлеты на плацу. Молодое пополнение поделили на три учебные роты. Строевой шаг, отмашка рук и ходьба в ногу с товарищами – понятное дело были недоступны для большинства желторотых пацанов. Но когда, повторенье, мать его, ученье, начинало не работать и всячески пренебрегаться, что и делалось недоразвитыми военными нашей учебной роты, в игру вступало заветное правило. Если какой-нибудь аутентичный персонаж заржёт, пёрднет или издаст животный звук – повторить сначала. И так всегда. Приседания братским хватом, медленный бег строем или часовое наматывание кругов строевым шагом – излюбленные пытки сержантов, засевшие глубоко в печёнках. Как-то на утро наша рота опоздала с приёма пищи. По распорядку дня проходящего КМБ, объявлена строевая подготовка всех учебных рот. Нашей роты отсутствовала уже как полчаса. Из-за ожогов ладоней, на память от плаца.

Рассказ можно было смело начинать с определённых табу, исполнение которых в армии, категорически запрещается. Интернет заполнен подобными присказками и байками. Есть много видео, тому подтверждающих фактов, на самом деле отражающие действительные положения дел. Статьи, блоги, посты. Начиная нелепой дедовщиной, заканчивая мытьём белых братьев. Чего действительно не следует делать – терять чувства собственного достоинства. Прозвучало па-

фосно и достаточно самодовольно – как угодно читателю. Но правдиво.

Хотелось бы прояснить вот ещё что: ВС РФ как магнит для разносортного, пардон, кала. Ежегодно автобусы, поезда, самолёты доставляют новоиспечённых зелёных новобранцев, распределяя последних по разным местам несения службы. Учебные центры, войсковые части, отдельные формирования. И кого там только нет. Окружение составляет настолько разносторонние личности, голова от которых местами раскалывается. Учитывая специфическую особенность современных ВС РФ, а именно фактов, что «служба-то уже далеко не та» и «армия нынче бумажная», я медленно понимал: деградирую. На помощь пришла посылка из дома, в которую я, помимо прочих вещей первой необходимости, присил законспирировать телефон. Его приспособил под карманную библиотеку, спасавший меня за весь период службы. Теми телефонами, любезно обеспечившими нас МО, шли в сравнении с картонными. По прибытию на полуостров, я почти сразу же, благополучно выменял его на блок сигарет.

Телефоны на службе – вещь непозволительная. При обнаружении твоего гаджета, старшина с криками и воплями изымет его. И дай Бог, если ограничиться только старшиной, распознавшего в роте внештатного хитрожопого телефониста. Предметы, попадающие в заветное «бюро армейских находок», в каптёрку, вход в которую строго по трём маленьким звёздами в ряд, безвозвратно остаются там. Когда заску-

чаешь или захочешь убедиться в его целостности и сохранность, ты всегда сможешь найти его на дереве за казармой, прочно прибитым гвоздём.

Двенадцать месяцев на полуострове даром не прошли. А даже если и пытались, то я всячески этому противился, ибо свежая волна деградации накатывала толстым слоем. На помощь приходили адекватные товарищи, отношения с которыми мы поддерживаем и по сей день. Телефон, кочевал из рук в руки: начиная от старшины, заканчивая комбатом. Его отнимали бесчисленное множество раз; но он всегда возвращался ко мне, ибо установка, которую впитал ещё на распределителе Севастополя, работала безотказно. «Если вещь твоя – она должна вернуться к тебе, где и у кого-бы она ни находилась». По крайней мере, она возвращалась. Или же я нырял за ней сам. Сам же гаджет сослужил мне достойно: благодаря ему, я прочёл порядка тридцати интереснейших книг. Отечественная и зарубежная классическая литература.

Армейская жизнь и вправду мало чем отличается от гражданки. Главные отличия лишь в том, что ты ограничен всем и вся по всем фронтам. Что на гражданке можно – в армии запрещено. Подобная ограниченность необходима, что бы ты научился ценить всё то, чем на гражданке ты благополучно распылялся. И если замечаешь это для себя, действительно начинаешь ценить. А впоследствии, соблюдая всю классику жанра, происходит переоценка внутренних ценностей.

По крайней мере, внутри тебя должно что-то хоть немного колыхнуться. Что-то открыться по-новому. Лично для меня, понимание пришло, откуда не ждал. Именно понимание острой необходимости переоценки ценностей, стало для меня словно открытием. Оглядываясь назад, заметил для себя, как внезапно, по зависящим, конечно же, от меня обстоятельствам, пропустил пару важных ступеней. Это было круче жидкого стула. Недоступные горизонты, для моего инфантильного мировоззрения, простирались передо мной. Время – первый ресурс, который я начал ценить.

За период службы столкнулся с двумя категориями лиц, конечно же, стоявшие по разные стороны баррикад. Первая сторона заявляла «идти служить надо». Аргумент один: «не служил – не мужик». Что в корне не правильно. Вторая сторона отрицала всяческое вмешательство военной атрибутики в жизнь гражданскую. Аргумент один: «год впустую». Что также не правильно. Потому что, в зависимости от тебя, ты сам имеешь хоть и небольшую возможность не менее грамотно использовать время, отпущенное тебе на период службы. Речь не о том, что ты вправе делать что хочешь, пока носишь военную форму. Нет, такого не точно не будет. Речь вот о чём. В свободное от военной рутины времени, можешь расставить приоритеты. Даже не можешь. Ты просто обязан это сделать. Сесть и подумать. А именно продумать ход дальнейших событий, которые зависят полностью от тебя. «Не служил – не мужик» абсолютное до мозга костей стереотипное

мышление. Ты и так родился мужиком, а, следовательно, и вести себя должен соответственно. Мужское начало уже есть в тебе. Вопрос гендерной предрасположенности, не более. За период службы, лично мне довелось увидеть множество женщин в мужском облики. И наоборот. ВС РФ не воспитывает мужчин. Никому нет до этого дела.

При огромном желании, за год можно многому научиться, что послужит тебе неплохим фундаментом будущих начинаний. Но здесь опять-таки работает схема «инициатива виляет инициатором». Тонкую грань видеть необходимо. По мимо бесполезной мышины возни, так активно пропагандируемая в рядах современных ВС, имеет место быть пункт «промывание мозгов». Идея не замысловата. Тебе ни о чём думать не нужно, потому что, за тебя уже подумали. Всё, что требуется от тебя – тупое стадное подчинение. Маршируй строем, бегай строем. Даже на перекуры ходи строем. Отключай голову и к концу службы приедешь домой безжизненным. Отсюда и бытует мнение «год впустую». Наличие грамотно посаженной головы на плечах и руки, выпрямленные об забор – гарантия, что сможешь выплыть из любого дерьмеца, которое иногда случается. По мимо работ перманентного праздношатания, будни военные разбавлялись нарядами.

Наряды в ВС РФ, в сравнении с построениями – те же яйца. Только в профиль. Наряды, ровно, как и построения, в ВС РФ, взаимодополняющие шестерёнки. Основные звенья

армейской системы. Внутренняя служба ВС РФ – сплошные наряды. В несение наряда заступают на сутки. Поэтому его обзывают «суточным». Говоря о них именно в таком ключе, необходимо отметить: есть наряды и откровенные моральные пытки.

Наряд по роте.

Два дневальных. Один дежурный по роте. Один ответственный. Одна тумбочка. Два ведра. Две швабры. Один ве-ник. Один совок. И полная казарма дегенератов.

Перед заступлением, новая принимает наряд у старой смены. Проверка чистоты расположения. Отсутствие мусора и прочих косяков. Старая смена сдают по описи весь инвентарь, вместе с казармой всё тех же дегенератов. Заступлением в суточный наряд, считается временем полного принятия его у старой смены. В случае непринятия наряда и возникновение рамсов и прочих форс-мажоров, в бой вступают дежурные по роте. Начинается срач.

Смена дневальных происходит в соответствии с установленным временным графиком, по согласованию сторон, конечно же. При возникновении тёрков и прочих нюансов, последнее слово за дежурным. В идеале, самое подходящее время для дневального – ночное. После десяти и до раннего утра. Никого нет. Если дежурный и ответственный адекватные – можешь заниматься своими делами. Стоя на тумбе.

Разгар морального уничтожения начинается утром. В семь утра. С приходом старшины. Желательно, в понедель-

ник. Как правило, по понедельникам у военных на повестке дня различные проверки и важные обходы. Начиная от местных, заканчивая министерскими. При проведении последних, из казармы выпинаются абсолютно все. Остаются минимум четыре человека. Старшина, дежурный по роте и дневальные. Два последних наводят казарменный марафет, дежурный, где-нибудь под шумок, щемит физиономию или шкерится, психованный старшина носится с криками «вашу мамашу, как меня утомило всё это», нарезая непонятные задачи дневальным.

Поспать в таком наряде, как показывает практика, удаётся частично или не удаётся совсем. Речь о времени сна, не входящий в уставной сон несения наряда. По уставу дневальные спят четыре часа. Оставшееся время ищачат по хозяйству, летая по казарме. В плане сна, мы с парнями, проворачивали не замысловатые схемы. Ибо оставшиеся двадцать часов выматывали так, что дальнейших шести часов сна попросту не хватало на нормальное восстановление. А впереди новый день.

Один дневальный на тумбе. Дневальный свободной смены – давит харю в кубрике. При этом второй так же был на чеку, и случае захода старшины в кубарь, имитировал бурное и увлекательное уставное натягивание одеял кроватей и поправление тумбочек. Главное – отсутствие начальства и прочих аморальных персонажей. Если дежурный или старшина интересуются, где второе тело, отвечаешь там-то или

там-то. Говорит позвать, подаёшь команду. Дверь в кубаре мы держали приоткрытой. Со временем сон становился настолько чутким, что просыпались даже от скрипа кровати, на которой щемились.

По прибытию в расположение комбрига/комдива, дневальный с рукой у черепа, по стойке кастрированного вьентконговца, громко, как в последний раз, подаёт команду «сми-и-ирн-о-о». Обычно, после этой команды, мощно и равномерно пронёсшаяся по всей казарме, все находящиеся в ней персонажи, мигом втягивают языки в попки. Прапора контрабасы выпрыгивают из окон. Дневальный свободной смены в пятьдесят седьмой раз намывает полы, лоя пыльтром, и добывает уран. Словарный понос, доносившийся из каптёрки и ленкомнаты, иссекает. Люди, находящиеся в этот момент где-то в поле зрения поданной команды, встают с рукой у черепа по стойке. Проходившие мимо, застывают как восковые фигуры, с серьёзной миной, быстро прикладывая руку к черепушке. Наступает идиллия. Армейская идиллия. После чего, комбриг/комдив, ухмыльнувшись, осмотрев тебя на предмет дневального, так же с рукой у черепа, громыкает «вольно». Дневальный дублирует последнюю команду и расслабляет булки. Комбрига уже заранее встречает комбат или начштаба, и полным отчётом кто он такой по жизни и как зовут пса его тёщи. По прибытию в расположение комбата, цикл повторяется.

В случае отсутствия комбата, по прибытию в расположе-

ние его замов, также подаётся «смирно». Дело в том, что этих замов – целая туева хуча. У нас их было трое. Пришёл начштаба, но комбата нет – «смирно». Пришёл зампотех, но начштаба нет – «смирно». Ушёл начштаба, но зампотех в казарме, и припёрся комбат – «смирно». Военское приветствие отдаётся вне зависимости от того, есть комбат/начштаба/зампотех или нет. Оно отдаётся всем военнослужащим, всегда и везде. Согласно уставу и армейской этике. Дневальному, постоянно мониторя их передвижения, нужно знать, кто и где находится. Где был сегодня комбат в 7.05 и ходил ли начштаба сегодня какать в обед, когда зампотех ходил покурить и какая сегодня погода в Дагестане. И не путать команды, подаваемые офицерам в происходящем круговороте суточного бытия. Если лажаешь не в первой – повторенье мать её, ученье. Залетаешь на вторые сутки.

По прибытию в расположение сержантов и прапоров, подаётся «дежурный по роте, на выход». Прапора, после этой команды, пафосно ранняя «аста-а-авить» бредут дальше, узнавая, есть ли офицеры в казарме. Если команда не подаётся или подаётся тихо/безрадостно/уныло/поздно/рано – съедают мозг начисто.

Данный наряд подпадает под категорию «моральная пытка».

Наряд по парку.

Четыре дневальных. Один дежурный по парку. Полный парк боевой техники. Начиная от скрипящих УАЗов, закан-

чивая танками и БТРами. Расположение парка от в/ч примерно полтора-два километра. С одной стороны, такое расстояние поначалу радовало. Но на каждые приёмы пищи проходишь, а иногда и несёшься как сайгак, что бы в твою тарелку перепало хоть что-нибудь, четыре километра. Состояния прилипшего желудка к твоему позвоночнику, в ожидании пребывающей смены после завтрака/обеда. На самом-то деле – грех жаловаться. Ты в целых двух километрах от непонятного тебе аморального кипиша. Мы, сразу поняв, что наряд по парку, почти рассос, пытались попадать на него как можно чаще. Желательно по несколько раз в неделю. Новая смена также принимает наряд у старой смены. Сдача уборочного инвентаря и обход с проверкой наличия всех слепков на боевой технике и на воротах каждого отдельно взятого батальона/батареи/роты/взвода, по всему периметру парка.

Дежурными по парку заступали прапора, старшие прапора и офицеры. С первыми нам всё было понятно сразу. Со вторыми пришлось сложнее. В целом, попадались адекватные и понимающие офицеры. Из других подразделений. Большим исключением из практики был наш зампотех батальона. Левая рука, нога и яйцо нашего комбата. К нам его занесло при плановой ротации между материком и Богом забытыми местами, вроде нашей бригады. По национальности – чуваш. Переведён из Калининграда. Впервые майора мы увидели на учениях. Тогда он представлялся вполне нормальным и адекватным. Но в тихом омуте – зампотехи во-

дятся. Открылся ларчик только по прибытию в ППД. Майор Заличкин (ударение на «а»).

Особенно нас впирал своеобразный походняк майора. Руки, будто лишённые сухожилий, размахивались в разные стороны. При ходьбе мне всегда казалось, что он выходит на влётку и вот-вот улетит от нас к ебени матери. Выражение лица майора было исконно славянским. Как и его отборный мат. По его словам и гомятским анекдотам, перманентно выслушивающие на очередном построении, где постоянно фигурировали жопы, письки и голые мужики, а главной кульминацией всех историй было изречение, мол «нет лучше влагалища, чем очко товарища», свой путь молодого офицера он начал еще при товарище Брежнев. Нормально и спокойно майор разговаривать уже не мог. Провода потихоньку замыкали. Поэтому всегда, везде и на всех орал. Из-за походки и расшатанной ЦНС, был справедливо прозван Каличкином.

Заступая с ним в наряд, мы всегда молились, что бы время шло нескончаемо быстро. Задачами и любимыми занятиями в нарядах зампотеха строились только на одном – озадачить дневальных. Подметать, собирать бычки, убирать коровьи какахи, добывать плутоний. Неважно чем – главное чем-то занять. Задачи были такими же тупорылыми, как неуместные шутки про говномесов и прочую заднеприводную хрень. «Озадачить» понималось нами в значении «сильно задолбать»

С заступлением в наряд, а это, как правило, происходило около семи вечера, товарищ майор по пути в парк, толсто намекал – нам кранты. Далее, по прибытию в парк, мы, как можно скорее, пытались рассосредоточиться по всему периметру парка. Чем дальше – тем лучше. Находится в комнате отдыха дневальных, можно было только ко времени заслуженного, уставного сна. Тщательно и основательно отыгив предыдущего паркового дежурного, проверив всю документацию и пересчитав всех высохших тараканов на подоконнике, он принимался за нас.

Каличкин доставал Устав, и пока двое стоят у ворот, делая доклады по рациям, каждые пять минут, откуда въезжает и выезжает боевая техника, затрачивал дневальных свободной смены до пены у рта, обязанностями несения наряда в парке. Пока обеими сменами не были полностью рассказаны, пересказаны и усвоены обязанности парковых дневальных, отбиваться было запрещено. Пока первая смена заучивает, он пьёт сладкий чай, несвязно матерясь в рацию, крича на вторую смену. Ребята дубеют на улице. Пока первая не отстреляется, вторая не рыпается. Кислотный дождь, снег, ураган, цунами, НЛО, яростное нападение спидозных медведей, украинские диверсанты – не имеет значения.

Вселенские приколы майора начинались рано под утро. В пять утра. Каличкин заходил в нашу конуру, включал свет и орал:

– Орлы, соколики! Подъём, мать вашу! Метёлки в зубы и

вперёд, к чёрным дырам! – надрывался он.

– Товарищ майор, разрешите обратиться!

– Разрешаю Латуньков, тебе разрешаю!

– Откуда и докуда мести?

– Отсюда, Латуньков, и до обеда! Вперёд, соколята! Быстрее! Дрочить на гражданке будете! Всё, вперёд! Люблю, целую!

«Кто встаёт утром раньше всех? Хер, петух и зампотех!

Хер – поссать, петух – орать, зампотех – мозги еб...».

Заступать в парк желательно было в любой день, кроме пятницы. Пятница – парковый день. Вся бригада пёрлась в этот парк. Целые сутки туда-сюда ездила техника. Целые сутки орал припадочный майор. Дневальные, как истуканы, открывают-закрывают ворота.

Наряд по парку – один из наиболее адекватных нарядов, из всех существующих. Он не попадал под категорию моральной пытки, при условии, если мы не заступали с нашим майором.

Дежурное подразделение (ДП).

Так как наш батальон выполнял функции и стратегию поддержания «боевой готовности» в глубоком тылу, в т.ч. противника, считаясь ни разу не боевым подразделением, в ДП мы заступали редко. Настолько редко, что за весь срок службы, мы бегали вокруг штаба бригады, отрабатывая тактико-оборонительные операции, всего четыре раза.

В наряд по ДП заступало семь человек. Каждому бойцу выдавалось по АКС-74У, штык-нож, постоянно пустой железный ящик под боеприпасы, по два магазина на каждого, бронежилеты с кевларовыми пластинами, которые были настолько короткими, оставляя полностью открытыми твои драгоценные кокушки. Сами кевларовые бронежилеты за просто пропускали простецкий 5.45 той же АКС-74У. Стоит ли говорить о касках, которые так же, как бронежилеты, априори насквозь пропускали тот же самый 5.45. Разбирая их из деревянных ящичков, каски были хорошо законсервированными. Заглянув внутрь, можно было обнаружить свежее, тёмно-синего цвета цифры. 1942.

ДП всегда находилось в боевой готовности. Дежурные по бригаде, коими заступали не всегда полноценные офицеры, могли посреди ночи подорвать ДП. И это было нормально. Так и должно быть. Но «боевая готовность» подразумевала под собой именно такую готовность ДП, при которой бойцы и в самом деле должны были находиться в боевой готовности, а не зашнуровывать по пять минут берцы, зевая, через плечо перекидывать автомат. Время для сбора и прибытия ДП к штабу – десять минут.

Картина и правда получалась воистину идиотская. Семь обезьян, в коротенькой броне, пустыми магазинами и пустым ящичком, носятся вокруг батальонного штаба. Если сбор ДП превышал отведённое время – дежурный разворачивал и подрывал заново. Отрабатывать норматив можно

было до утра.

Но на самом деле, главное предназначение ДП – быстрая и оперативная работа вениками вокруг штаба, перед приходом комбрига. Рано утром.

Chapter Seven.

«Ты или охотник, или дичь. Или действуешь, или устало плетёшься сзади» —

Фрэнсис Скотт Фицджеральд «Великий Гэтсби» ©

Вам знакомо чувство полной растерянности? Нет, не так. Чувство абсолютной потерянности? Непонятное подвешенное состояние, когда вдруг осознаешь, что в твоей пубертатной «матрице», взрослого индивида, происходит жесточайший разрыв шаблона. По всем фронтам. Скрупулёзно складываемый, по крупицам из идеалистического представления о человеческом бытии, в общем и целом. Убеждения, мысли, доводы, аргументы, взгляды, догмы и жизненная философия, в конце концов? Все те аспекты, с которыми тебя сталкивала та самая, на которую все грешат и мешают с дерьмом – ЖИЗНЬ.

И вот она, всеми ненавидимая и отвергаемая, не опять, но СНОВА, обрушивает на тебя свой небосвод, больно придавливая тебя щекой в пол, громко нащёптывая в ухо: «очнись, человечешка, дерьмо не я, но – ТЫ». И в попытках возразить такому вульгарному, чрезмерно наглому проявлению, пыта-

ешься сопротивляться всему происходящему вокруг. Привычная и линейная модель поведения, начинает пестрить крайностями и давать трещину. «Матрица» бескомпромиссно форматируется. И ты, всеми покинутый и отрешенный от внешнего мира, наблюдаешь весь этот армагеддон в формате 3D, утирая солёные слёзы. Воочию смотришь «падение Олимпа», в котором тебе была отведена роль всемогущего Зевса, с молниями на спине.

Крепость рушится. Остаются лишь обломки, из-под которых ты, как смердящий пёс, выглядываешь украдкой, поджав облезлый хвост, убеждаясь в безопасности. Привычной матрицы больше не существует. Шаблоны разорваны в хлам. На выходе болезненное ощущение и полная разочарованность во всем. Прежде всего – В СЕБЕ САМОМ. Обломки предыдущего опыта служат тебе базисом, вновь нарабатываемым фундаментом дальнейшего становления и роста. Описанный процесс, я бы назвал «взрослением» и «становлением личности». И он, процесс, протекает протяжённостью в целую человеческую жизнь. ИМХО.

Не совсем понятное ощущение происходящего. Внешнему миру, все больше предпочитаешь внутренний. В какой-то момент озаряет понимание фактов, об угрозах и прочим негативе, исходящие от мира внешнего. И это, наверное, нормально. Плотно закрываешь дверь, в надежде не запускать лишнего шлака. Всматриваешься в окружающих тебя людей. И снова не понимание. Полное абстрагирование.

В такие моменты ум, в большей степени, занимается отчаянным самокопанием, в поиске чего-то глубинного. Времени более чем достаточно. За те пролетающие перед тобой недели и месяцы, успеваешь перевернуть громадную кипу всех произошедших событий и свершений, за последние лет десять точно. Вспоминаешь абсолютно все моменты твоих взлётов и падений.

Анализ и синтез. Происходит тотальная и коренным образом обновлённая сборка твоего «alter ego». По частям и фрагментам, вновь приобретенного опыта, основанный, конечно же, на былом, семимильными шагами протекает построение новой «мировоззренческой империи», постепенно разрушая старую и отжившую. Понимание всех тех вещей, казавшиеся с годами таким недоступными и скрытными от твоего взора, накрывают спонтанной волной. Подобно сильному эмоциональному всплеску, похожий на реакцию ребёнка, успешно и самостоятельно собирающий Lego.

Наблюдаешь примитивную человеческую природу, ограничивающаяся языком во всех проявлениях. Отмечаешь её в себе и разочаровываешься. Перестаешь слушать людей, но начинаешь прислушиваться. Оценка поступков. Словесный кал отходит фоном.

За весь срок службы ты всегда один. Несмотря на коллектив мужиков, окружающие тебя 24/7, праздно называющие тебя «братаном до гроба». Ты всегда один наедине в своих мыслях и выводах, потому что не имеешь такой привилегии,

как высказывать своё мнение, так как это не приветствуется. В армии, по крайней мере. Ты всегда один, поругавшись с подругой или семьёй, позвонив в очередное воскресенье после обеда. Ты всегда один, когда по ночам тебя гложет необъяснимая и тревожная внутренняя составляющая твоего настроения. Ты всегда один, быстро строча очередное письмо домой, сидя всей ротой в ленкомнате. Ты всегда один, даже в те моменты, когда перед тобой, в очереди, во время приёма пищи, без приглашения встаёт какой-то амбал, игнорируя все твои нецензурные выражения. Никто не собирается, да и ровным счётом не обязан, встречать и «тянуть мазу» за тебя. Ты всегда один. И помощи ждать не от кого. Особенно, если ты всю жизнь держал в руках только свой писюн и пульт от телевизора. Начиная прорабатывать самого себя, занимаясь мозговым онанизмом, как раз-таки сталкиваешься со всей своей ущербностью и беспомощностью, от которой так и норовит проблеваться и горько заплакать. Именно об этом и голословит армия. Очень вульгарно и открыто.

На определённом жизненном этапе, я перестал смотреть на мир сквозь призму розовых очков, которые стали не по размеру и начали трескаться. Он начал мне казаться совершенно иным. Вся инфантильность и рафинированность максимально вытравливается. Потому, что весь твой фон 24/7 это отборный мат, шутки про американских говномесов в рядах МП и вечная деградирующая масса по всем фронтам. И ты принимаешь условия. Идёшь вперёд. Трезвый и ясный.

Подавляющая часть твоей сладенькой и утончённой натуры отмирает полностью. Безвозвратно. Ты становишься диким. Откровенным быдло. Коллективное сознание. Менталитет крабов берёт вверх. И это нормально. Там, где ты находишься – это есть норма. Но вернувшись в цивилизованное общество, придётся коренным образом перестраиваться. Придётся соблюдать социальные каноны. А быдло отголоски будут жить в тебе. Вечно. Ты их принял. Они твои.

Мне всё равно, как это сейчас прозвучит. Мир начал делиться на две составляющие: борьба и война. В части войны поясню. Она проявляется не в кровопролитии и прочего варварства. Но в тактике и стратегии. Голова холодная. Ноги тёплые. Думаешь рационально. Думаешь осознанно. Хладнокровно. Всё как у Александра Васильевича. Борьба является неотъемлемой частью той самой войны, происходящая вокруг тебя. Борьба за жирный кусок пирога, который люди пытаются отколоть от внешнего мира. Борьба за материальные блага. Борьба за лучших женщин. Борьба за лучшее место под солнцем. Борьба за жизнь. В хорошем смысле.

Стоит ли упоминать о том, что эта жизнь, пребывание в которой находимся мы, есть то самое мгновение, происходящее **здесь и сейчас**? Допускаю, что это может показаться, странным и сомнительным предметом для обсуждения, но сказать, всё-таки, нужно.

Самое обидно, на мой взгляд, отвергать всё то, что при-

ходит. Самое обидное, на мой взгляд, когда внешне и внутренне происходит тотальная разруха, а ты настолько слеп, что элементарно не можешь понять, что всё происходящее, неважно говёное или нет, есть неотъемлемая часть твоего становления и дальнейшего существования. Эти буквы, так неуклюже переплетающиеся в якобы логические словосочетания, в конечном итоге выливающиеся в целые предложения, не несут никакого нравоучительного и сверхъестественного посыла.

Я ещё не знаю, что по окончании службы, летя домой в самолете, со слюной у рта и от радости обоссанными штанами, предвкушая встречи с семьёй, дальнейшие взаимоотношения с которой пойдут под феерический откос. Я ещё не знаю, что процесс реабилитации к дому и нормальной жизни, будет, протекать около года. Я ещё не знаю, о моей местами пошатнувшейся психике, после службы. Я ещё не знаю, что по окончании службы, вернувшись, на гражданку, отмечу для себя абсолютно никаких изменений, которые якобы должны были произойти, за время моего отсутствия. Я ещё не знаю, о моём устоявшимся окружении, за период службы, которое в значительной мере поменялось. Я ещё не знаю, чего ожидать впереди. Я ещё всего этого не знаю. А просто лечу гражданским рейсом Симферополь – Казань, каким и отправлялся ровно год назад. Самое обидное, на мой взгляд, быть **не здесь и не сейчас**.